

The background of the cover is a painting of several irises. The flowers are primarily yellow with purple or blue tinges on the petals. The stems and leaves are dark green. The background is a deep, vibrant blue with some purple and pinkish tones, suggesting a sky or a textured surface. The overall style is expressive and somewhat abstract.

Елена
Грозовская

С Т Ы Д

Роман

Елена Грозовская

Стыд

«Автор»

2023

Грозовская Е.

Стыд / Е. Грозовская — «Автор», 2023

Бывали ли вы в Пуату? Нет? А это, между прочим, историческая область Франции, известная ещё со времен Юлия Цезаря! Особенно интересен городок Бурпёль - маленький, провинциальный, затерянный в глуши, но в нём всегда происходит что-нибудь загадочное, иногда, страшное... особенно после того, как в городке появились две русские красавицы, Анна и Ева. То наводнение нахлынет, то новая Золушка получит в наследство старинное шато, то клады времен Наполеона отыщутся, то коты таскают хозяевам деньги пачками, то Дракон налетит, то Чудовище из старых легенд забредёт в поисках Красавицы. Впрочем, поисками заняты все герои. Они, так или иначе, связаны друг с другом. "А причем тут стыд?" - спросите вы. Хороший вопрос! Может быть, потому что людям свойственно всегда чего-нибудь стыдиться... Мораль всегда присутствует, особенно в сказочных историях, даже если они пересказаны на новый лад и действие в них происходит в наши дни!

© Грозовская Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. ДОЖДЬ	6
Часть 2. ДОМ МАДАМ НИНОН	15
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Грозовская

Стыд

Любое совпадение с реальными событиями, названиями населенных пунктов и именами реальных людей случайно.

Моему самому верному читателю Г. Г.

Пуату – историческая область на западе Франции

Часть 1. ДОЖДЬ

Глава 1

Дождь пошёл, как и всегда, в два часа.

В последние три недели дождь всегда начинался в два.

Я выглянула из распахнутого окна, посмотрела на бурю вздувшуюся реку. Медленные, тягучие воды беззвучно несли белую пену, ветки, ил – следы ночного ливня. Утром дождь перестал, небо немного поднялось, запели птицы в кустах, а к двум опять задождило. Заговорённый, что ли? Или в этой местности дождь всегда идёт в два?

Я понаблюдала некоторое время за рекой. Она будто и не текла вовсе. Хлопья пены запутались в зарослях жёлтых кувшинок. На противоположном берегу стояла цапля. У дома мадам Сабль каркали в гнёздах вороны. Небо осело мелким дождичком. Вокруг розового куста стремительно летали насекомые. Розовый куст мелко дрожал под ударами тёплых капель.

Неинтересно...

Я взяла с подоконника чашку с кофе и встала у занавески, вдыхая запах дождя.

И всё-таки, почему дождь начинается в два? Луна, что ли, действует? В самом деле, если три недели нет солнца, значит, действуют другие силы – силы Луны?

Есть в этом что-то магическое...

Мадам Сабль рассказала, что вчера после полуночи у дочки фермера родился мальчик... (Я кивнула. Ночью слышала вой сирены скорой помощи).

...и что в городке все женщины рожают только ночью.

Почему только ночью? Может, и правда, Луна действует?

Как коровы. Те тоже телятся только ночью или на рассвете. Таковы уж законы коровьей природы. Странное здесь всё-таки место...

Я с сожалением посмотрела на руки. Совсем не загорела. На левом запястье проступает еле заметный, светлый след от часов. И это за три недели отпуска. Ноги ещё хуже – белые, как картофельные ростки. Мадам Сабль в доме напротив выглянула из окна и посмотрела на дождь без ненависти, спокойно. Меня же буквально затрясло.

Что! Опять! Опять дождь!

– Опять дождь, – улыбнулась мадам Сабль. Она увидела меня с чашкой кофе у шторы и приветливо кивнула. – Всё идёт и идёт, – и она без опасения взглянула на светло-серое, скучное небо.

– Ну да... – обречённо улыбнулась я в ответ, – всё идёт... Не знаете ли, надолго такая погода?

– Весь июнь будет таким. Я дождь нутром чувствую.

Пигментные старческие пятна на лице мадам Сабль выделялись коричневыми брызгами. Она, конечно, чувствует нутром.

– Ну, ничего, плотина выдержит, – и мадам Сабль посмотрела в сторону гидроэлектростанции в километре от нас.

Турбины работают день и ночь, сбрасывая воду. Их шум ровным далёким тоном висит в воздухе.

– Но купаться в реке нельзя! Вы же знаете, дорогая?

– Да, конечно, мадам, – я махнула рукой и отошла от окна.

Здесь повсюду на берегу натканы предупреждающие таблички. Мол, купаться опасно для жизни, поскольку на станции оставляют за собой право в любое время сбросить всю воду с плотины без предупреждения, и тогда вас смоеет потоком.

Мадам Сабль все ещё стояла над подоконником. Я видела это из глубины комнаты.

Каждое утро из открытого окна её кухни доносился запах кофе и взбитых яиц.

Улыбчивая старушка восьмидесяти восьми лет. В первую же минуту знакомства она сообщила мне об этом.

– Bonjour, Eve! – приветствовала она меня.

– Bonjour, madame! Mais je ne suis pas Eve! Je suis sa soeur, Anna. ¹

– Боже милостивый! Да вы одно лицо! Ева рассказывала мне, что вы с ней близнецы, но я не думала, что так похожи! Так вы Анна, а я мадам Сабль! Можете звать меня Марион. И я очень-очень старая женщина, тридцатого года рождения. Так что мне уже восемьдесят восемь лет!

– О, мадам, вы прекрасно выглядите!

– Вы тоже, дорогая! Вы тоже! Так вы приехали в отпуск? Надолго? – мадам Сабль с любопытством оглядела мой чемодан и подозрительно проводила взглядом развернувшееся в сторону шоссе такси.

– Да, в отпуск. Погощу здесь до конца июня.

– А Ева приедет?

– Да, недели через три, может быть!

– Вы прекрасно говорите по-французски. Bravo!

– Спасибо, мадам! Мы десять лет учили французский в школе.

Мадам Сабль жила одна в большом каменном доме. Фасадом, как и мой, он выходил на реку, а наши кухни смотрели друг на друга в анфас.

Каждый четверг и пятницу мадам Сабль убирала комнаты второго этажа. Я слышала, как работает пылесос. Спальня самой мадам Сабль находилась на первом, рядом с гостиной.

Из этого я сделала вывод, что каждые выходные мадам Сабль ждёт в гости детей. Детям, судя по всему, было уже давно за шестьдесят, шестьдесят пять. Они, вероятно, и сами имели уже взрослых детей, а те своих детей, тоже не маленьких. Так что у мадам Сабль вполне могли быть и внуки, и правнуки, и праправнуки, но никого из них я за всё время пребывания в доме не видела.

– О, в мои восемьдесят восемь я делаю всё по дому сама, – бравировала мадам Сабль. – И машину вожу сама, – показывала она на серенькую десятилетнюю Renault, – и в супермарше, и в прачечную сама... А дождь сегодня будет нештучный!

И она говорила о дожде, и о петуниях, и об огороде.

Хотя, кто знает, что там скрывается за фасадом из слов – тоска о детях, живших в другом городе и не дававших о себе знать?..

Своего первого мадам Сабль родила в девятнадцать лет. Я гожусь ей во внучки, но старуха разговаривает со мной на равных, рассказывает о супе, в котором должно быть очень много разных французских трав и который очень вкусен с пареной репой, свёклой и сливками.

Я соглашаюсь, и мадам Сабль очень удивляется, что в России тоже готовят такой суп.

Ей очень хочется спросить, почему я здесь одна (без мужчины), но она не решается из вежливости.

Я делаю вид, что не понимаю намёков, когда мадам упомянула о своем муже, умершем в прошлом году.

– Он, кстати, был младше меня на год, а я его пережила. Так что я теперь самая старая жительница Бурпёля.

¹ Бонжур, Ева! – Бонжур, мадам! Но я не Ева! Я ее сестра, Анна. (Фр.).

Бурпёль – город в центре Франции. Жителей чуть более двух тысяч. Довольно мало. Не думаю, что все они близко знакомы, но на День Парижской Коммуны встречаются все, от мала до велика, на фейерверке в честь Республики.

Мадам Сабль стара, и все её сверстники уже умерли, или впали в маразм, или болеют... И она общается с женщинами любого возраста, которые ей нравятся... и которым нравится она.

Мадам узнает городские новости первой (дружит с мэром) и играет в лото по воскресеньям у месье Бушара и, так же как и все, мечтает сорвать джек-пот.

– А в России играют в лото? – спрашивает она меня и удивляется (я вижу по глазам), что играют.

* * *

Сегодня в два часа дождь не пошёл как обычно. Но по всему видно, что пойдёт обязательно. Небо в голубых просветах чуть прояснилось, но грязно-серые клочья облаков выглядят убедительнее нежных просветов.

Я стою у окна на кухне мадам Сабль.

В реке плещутся лещи. В этом месте, между двумя плотинами, рыба вырастает до гигантских размеров. То и дело ночью огромные сомы плещут хвостами в реке перед домом. Бух! Громадный камень бросили в реку! Не камень, а хвост двухметрового сома ударил по воде! Бух! И гигант ушёл на глубину...

Я всегда боялась глубины. Не потому, что не умела плавать. Мне казалось, что все людские горести и беды спрятаны не в ящике Пандоры, а в глубинных недрах воды, чёрной трансцендентной массы, в которую превращается вода на большой глубине. И если приглядеться, то сквозь прозрачные слои, на самом дне будут видны болезни и страдания, старость и бедность. И если взбаламутить воду, то какой бы чистой она ни была, со дна поднимется вся эта муть.

Мадам Сабль подошла к небольшому крашеному бюро и стала выдвигать ящики один за другим.

– Давно пора сжечь весь этот хлам, – ворчала старушка.

Она что-то искала, но вскоре бросила это занятие и повернулась к плите, на которой закипал кофе.

Я оглядела кухню. Всё здесь чем-то напоминало старую бакалейную лавку. Несколько шкафов и старинный резной буфет до потолка, заставленные кухонной утварью, баночками и бутылками с блестящими крышками – мебель, крашенная коричневой краской, блестит как новая.

Ловко подхватив большой кофейник за костяную ручку, старушка поставила его на начищенный до блеска серебряный поднос вместе с домашним печеньем, сливками, сахарницей и понесла к столу. По пятам за хозяйкой следовал, нежно мяукая, пушистый, как одуванчик, белый кот.

– Я точно помню, что сюда это положила! – мадам Сабль вернулась к бюро. – Ах, вот же она! – глаза её радостно засияли.

Старушка протянула мне старую чёрно-белую фотографию:

– Здесь мне восемнадцать лет. Правда, миленькая?

Хрупкая девушка смотрела на меня с фотографии глазами прозрачными и беззащитными. Я с удивлением заметила, что за семьдесят лет мадам Сабль мало изменилась. По-прежнему так же хрупка, и глаза такие же прозрачные и беззащитные. Разве только русые кудри поседели, и ростом меньше стала, и смотрит на меня снизу вверх, как ребёнок.

Хрупкие старики и старухи всегда вызывают во мне сочувствие.

Мадам Сабль разлила кофе из кофейника по чашкам лиможского фарфора:

– Помню в пятьдесят пятом, ровно шестьдесят три года назад, дождь шёл больше месяца, не переставая. Ну, да... с Апостола Петра до середины сентября. Я только вышла замуж за моего Пьера и переехала в Бурпёль уже беременная вторым сыном Клод-Пьером. Плотины тогда ещё не было, и река так раздалась, что вода затопила нижнюю дорогу. Ещё бы полметра, и река перелилась через верхнюю дорогу и затопила наши дома. Никогда мне не было так страшно. Но, как известно, у судьбы две стороны. После того наводнения выше по течению через несколько лет построили гидроэлектростанцию. Воду с плотины сбрасывали лишь дважды, в восемьдесят четвертом году и в две тысячи третьем. Так что, даст Бог, обойдётся и в этот раз, – мадам Сабль перекрестилась.

– А как это, «сбрасывали воду»? Как это всё было?

Мадам Сабль помялась, не желая продолжать разговор, но потом вздохнула и посмотрела на меня без улыбки:

– Вам действительно хочется знать? Ну... это довольно неприятно. Всё начинается с воя сирены на электростанции... Она так ужасно воет... Это значит, что через пять минут на станции откроют все турбины и начнут сброс воды. За эти пять минут жители у нижней дороги должны успеть покинуть свои дома и подняться на холм в центре города – самое высокое место в округе... и смотреть, как бешеный поток мчится, унося, как солому, прибрежные деревья, и волны бьют в насыпь дороги, у которой стоит твой дом.

* * *

Мадам Сабль со страхом посмотрела на плотину. Работали две турбины из шести.

Я пожалела, что спросила. Вероятно, совсем поглупела от дождя и вынужденного домогательства.

Но мадам Сабль откашлялась и прихлебнула кофе из чашки:

– В нашей глуши помощи ждать неоткуда. Знаете, милочка, Папа Римский умрёт, а мы не узнаем.

– Ну, что вы! Дождь скоро закончится! Вот посмотрите! – я показала на мобильник, но вспомнила, что мадам Сабль не пользуется вайфаем и интернетом. – Неважно! Завтра обещают солнышко!

– Кто обещает? – ворчливо спросила мадам Сабль.

– Гидрометцентр!

– Своему нутру и коленям я верю больше. Знаете, Анна, мой дом устоял и восемьдесят четвертом и в две тысячи третьем. Ваш дом, дом Нинон, залило и остальные у дороги тоже, а в моём было сухо, даже в курятнике и в хлеву.

Я посмотрела на мадам Сабль и улыбнулась:

– Как звали жену Ноя? Вероятно, Марион, как и вас.

– Кто знает, может, и Марион. Только вот что я вам скажу. В две тысячи третьем сирена завывала ночью. Нас разбудили часа в два, и все мы выскочили на улицу в чём были и помчались наверх к ближайшему подъёму в город – узкой крутой лестнице у виадука. Пьер тянул меня за руку наверх, а сзади подталкивала толстая Катиш, жена плотника, и всё кричала: «*Быстрее! Быстрее!*»... Если бы не Пьер, я бы не добралась. Старая лестница – деревянная, ступени во многих местах прогнили, и приходилось ползти наверх, как альпинисты, но без верёвки и страховки. А внизу под виадуком высота метров пятьдесят – сорвёшься и костей не соберёшь – под лестницей-то скалы. Я помню, кто-то упал, в темноте был слышен дикий крик. Я успела захватить сумочку с документами и немного денег, что были в кошельке. Пьер прихватил плед, но потерял его по дороге на виадук. Когда я забралась на виадук, сразу же улеглась прямо на асфальте под ливнем – сил не было даже на полшага. Рядом рухнул мой Пьер и толстая Катиш. Она плакала и повторяла: «*Мой Мишель! Мой Мишель!*»... Её мужа, папаши Мишеля Муру,

не было рядом. Только тогда до меня дошло, что это его крик я слышала на лестнице! И уже лёжа на асфальте в грязных пузырях дождя, я слышала, как открыли турбины, и река с ревом бросилась на город...

Чашка с кофе дрогнула у меня в руке, и я поставила её на стол. Теперь мне было не до смеха. Я устала в окно, давая время мадам Сабль собраться с чувствами.

В оконном проёме текла неповоротливая река. На газоне перед ограждением валялась старая газета. Это было очень странно. Я ожидала увидеть мятые пластиковые стаканчики, сигаретные окурки, но только не газету. Интересно, как со временем, от эпохи к эпохе, меняется мусор вокруг. Лет двадцать назад клочки бумажных газет разлетались по опавшей осенней листве в парках у скамеек, а теперь их заменили обрывки пластиковых пакетов да ламинированные стаканчики из фаст-фуда. Бумажных газет почти не выпускают. Даже в местном информационном центре на стенде из бумажной продукции лишь глянцевые листки-рекламки и ежемесячные каталоги продажи недвижимости.

Я сучала по бумажным газетам. Они успокаивали по утрам, безобидно шуршали по вечерам и не мешали жить, как нынешние современные средства информации, запугивающие вас денно и ночью.

Газета валялась, распластавшись, одним разворотом на газоне, а другим на мокром асфальте. Теперь ни ветер, ни дождь не сдвинут её с места. Она здесь навечно, пока колеса машин не превратят её в серую, непонятную субстанцию, трансцендентную массу...

Мадам Сабль отвлекла меня от размышлений о старой газете. Она уже успокоилась и, вероятно, злилась на саму себя, что дала волю чувствам, и теперь притоптывала ногой в коричневой туфле по натёртому до блеска полу:

– Советую вам, дорогая Анна, держать наготове дождевик и рюкзак с вещами, а иначе натерпите, как я тогда, ночью, почти голая, в плаще поверх ночной сорочки. Отелей в нашем городке немного, «Золотой лев» да «Виадук», и они маленькие, как вы знаете. Место у нас не туристическое. Так что советую забронировать номер. Хотя что толку, всё равно в отеле набьются все соседи с нижней дороги, а это человек двести.

По дороге в сторону виадука проехал жёлтый «каблук» почтальона. Он подхватил колесами газету и пронёс её на несколько метров правее, к подножью старой лестницы. Рядом, за пышным кустом бузины, из камня и бетона поднималась спиралью новая, удобная и надёжная лестница с перилами по обеим сторонам.

Впервые я поднялась на виадук именно по старой лестнице. «Чёртова» – так прозвали её в городе. Новую, за кустом бузины, я заметила уже потом, поднявшись метров на десять вверх.

Поначалу я даже испытала удовольствие от подъёма. Широкие деревянные ступени удобно ложились под ноги. Но вскоре они сбились со счёта, следуя вверх неровными шпалами, положенными на разной высоте. Мне приходилось высоко задира́ть колени, подтягиваясь, почти касаясь животом земли.

Где-то посередине пути я оглянулась и посмотрела вниз. Лучше бы я этого не делала. Подъём оказался очень крутым. Я и не представляла, как можно теперь спуститься, не сломав шею.

«Не паникуй!» – приказала я сама себе, а сердце прыгает в груди.

Деревянные ступеньки становились всё хуже. Побитые термитами и временем, они шатались под ногами, рассыпались трухлявыми поленьями, и наконец, пропали. Метров за десять до конца подъёма, ступени исчезли совсем. От лестницы остались лишь углубления в гладкой и скользкой, как лёд, земле. Оглянувшись ещё раз вниз, я поняла, что никогда не спущусь. Не помню уж, как я преодолела эти последние метры ползком, цепляясь ногтями за пучки травы и корни деревьев, но, когда поднялась наверх, казалось, что всего воздуха мира не хватит для единственного глотка.

Парочка туристов, пришедшая на виадук полюбоваться видом реки, с удивлением смотрела на моё чумазное лицо и испачканные землёй платье и ноги. Молодые люди поспешили удалиться. Я слышала, как они торопливо спускались по новой лестнице, находившейся всего в нескольких метрах от старой.

Я с сочувствием взглянула на старую женщину. Представила, какой ужас испытала мадам Сабль, поднимаясь на виадук под проливным дождём ночью по гнилой лестнице... Воеет сирена над городом, нижняя дорога уже залита водой, и люди в панике бегут к единственному спасительному подъёму...

Вот-вот хлынет река с двадцатиметровой плотины, поднявшись за минуту до уровня домов... Это произошло четырнадцать лет назад, когда мадам Сабль уже была старушкой семидесяти четырёх лет.

– Спасибо за совет, мадам Сабль, но давайте оставаться оптимистами и не будем расстраиваться раньше времени!

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – некстати вспомнилось из Ильфа и Петрова.

* * *

Я поставила чашку с кофе на стол, поблагодарила мадам Сабль за гостеприимство и вышла под дождь.

У мадам Сабль самый большой участок земли в городе. Только сад раскинулся от реки и дальше, до поворота на Пуатье. Гектаров пять, не меньше. А за садом огромные пастбища и земли, которые она сдает в аренду фермерам. Мадам Сабль говорила, что землі у неё – девать некуда, и не только тут, в Бурпёле, а ещё дальше, в Муссаке. Да ещё дом рядом с рекой в Ангулеме (там живёт сын с семьёй) и старая мельница в Монтморене.

– Я богатая старуха, – говорит она о себе.

Всё самое интересное в городе происходит в доме мадам Сабль. Кажется, и птицы в её саду поют звонче и громче, и первыми после дождя именно к её дому возвращаются бабочки, стремительные стрекозы, мухи, жуки. На косогоре над черепичной крышей вся земля прорыта норками белых кроликов. Саранча трещит на скошенной поляне, жук-олень гудит, добираясь до гнезда под черепицей, олени, по брюхо укрывшись в посевах, пасутся на поле за садом, и прокладывают нескончаемые тропинки муравьи, чёрные и красные.

Мадам Сабль вышла на мощёную дорожку следом за мной. Она осторожно переступила через муравьиную тропу, пересекающую дорожку и ведущую к большому муравейнику у старой яблони. Кажется, её совсем не беспокоит такое соседство. Она не избавляется от муравьёв, не поливает муравейник кипятком, не разбрызгивает отраву вокруг дома.

Мадам Сабль смотрит в небо и манит кого-то худой, прозрачной рукой.

– Голуби, – объясняет она, – совсем ручные.

Дождь всё шёл. Мелкий, скучный, заливал всходы на полях. Влажная дымка висела над лесом. На пастбищах стояли овцы, совершенно обалдевшие от сочной, как салатные листья, травы, а поодаль паслись коровы, промокшие, почерневшие, располневшие на заливных лугах.

Меня всегда поражала в коровьем стаде одна особенность. Все животные, от быка до новорождённого телёнка, пасутся, повернувшись головами в одном направлении.

Почему? В какую сторону они все смотрят? Что видят? Может, кусочек рая? Как и муравьи. Муравьи, наверное, тоже видят рай. Не сомневаюсь, что все земные твари (кроме людей) посещают и рай и ад по своему усмотрению, в любое время дня и ночи.

«Так муравьи, столкнувшись где-нибудь
Потрут рыльцами, чтобы дознаться,

Быть может, про добычу и про путь»².

Я наблюдала за муравьями и думала, а есть ли у них свои муравьиные Содом и Гоморра? И как они со всем этим разбираются?

Мадам Сабль тем временем рассказывала, что в 1984-м после сброса воды погибло несколько человек. Их разбросало прорывом в разных местах. Двое молодых людей катались в это несчастливое время на водных лыжах, парочка рыбаков удили рыбу и не смогли вовремя догresti до берега, и одна девушка бросилась в воду спасать собачку.

Погибших нашли, но не в один день. Особенно долго искали девушку, больше месяца. Похоронили всех в разных местах, каждого в своем уделе. Но крест над водой у края плотины поставили общий. Так что непосвященный мог бы подумать, что крест стоит над братской могилой.

Все погибшие испытали ужас умирания в полном одиночестве. Разве только смерть их была мгновенной, без затяжной агонии.

Я представила себе вой sireны над городом, когда Ангелы страшного суда дули в свои трубы, вложенные в руки главного инженера гидроэлектростанции. Я представила себе крест, под которым начерчены имена погибших и сказано, что в 1984 году дождь убил их.

Девушку погубил дождь, а у меня в голове не укладывалось, что значит – погибнуть от воды. Вода, в моём понимании, всегда связана с жизнью. Это нечто живое, дружелюбное, дающее жизнь всему на Земле, это нектар, это манна небесная... Или все они, бедолаги, достигли тех глубинных слоёв, что водой уже не являются?

Мимо по дороге прошла соседка. Она гуляла с собакой и, увидев мадам Сабль через ограду, остановилась и поздоровалась.

Воспользовавшись случаем, я, наконец, ушла. Спину сверлил колючий взгляд соседки.

Я отличаюсь от жителей городка. Я – женщина из большого города. Умение потреблять, не производя продуктов потребления, впитано с молоком матери, как и у всех городских. Мои каблуки стучат по асфальту так же уверенно, как некогда мечи крестоносцев и рыцарей, сражавшихся здесь неподалеку в битве при Пуатье. Я иду одна по улице, и каждый мой шаг по асфальту до миллиметра повторяет предыдущий, и стук каблуков напоминает метроном, отсчитывающий вечность. Мой аромат в шлейфе лёгкого платья напоминает чей-то несбывшийся сон.

Женщины городка смотрят неодобрительно из глубины окон, потому что я иду по улице одна, и аромат цветов сопровождает каждый мой шаг.

Но я вовсе не одна. Дождь следует за мной неотступно. Сегодня дождь другой. Спокойный, без ветра. Иногда налетает широкий, как зонтик, сквозняк и доносит вместе с медовым запахом трав гул плотины.

Глава 2

В церкви зазвонил колокол. Пробил девять раз. Я шла мимо и решила зайти.

Широко, с размаху распахнула дверь, впустив сквозняк. Свечи дрогнули, но не погасли, продолжая клониться за сквозняком. Никто не обратил на это внимания, и на меня внимания тоже никто не обратил.

Я пригляделась. В неярком свете, льющемся сквозь витражи, стоят несколько мужчин. Все они смотрят на Божью Матерь, склонившую к ним голову. Мне сделалось неудобно, будто я нарушила священный обряд. Я, было, попятилась назад, но входная дверь глухо захлопнулась,

² Данте А. Божественная комедия, Чистилище, песнь 26, ст. 34-36. Перевод М. Лозинского.

впустив ещё несколько желающих поговорить с Богоматерью, одну старушку и трёх молодых девушек. Они прошли и встали рядом с мужчинами.

Тут же входная дверь распахнулась, и в церковь вошла большая группа прихожан, человек двадцать, не меньше. Среди них мадам Сабль. Вскоре церковь наполнилась.

Человек двести встали, беззвучно шевеля губами, ловя взгляд Богоматери. Все молящиеся были уверены, что плотина и их дома целы, благодаря Её защите.

«Господи, да они готовятся!»

От этой догадки мне стало не по себе. Двести жителей, чьи дома стоят у нижней дороги! Двести человек пришли в церковь взглянуть друг на друга в последний раз! Замолишь грехи и попросить прощения! Кто знает, может быть, кто-то из них не переживёт этой ночи!

Интересно, если плотину прорвёт именно сейчас, все мы, почившие здесь, вероятно, сразу попадем в рай?

Горит неугасимая лампада, в полумраке по щекам веет холодный воздух церкви, пропитанный резким ароматом лилий – тревожный, спокойный, неподвижный. Все молятся молча, беззвучно шевеля губами!

Прочь отсюда на свежий воздух! Туда, где струи ветра шелестят монетками листвы!

Следом за мной выходит мадам Сабль. Она берёт меня под руку:

– Вы домой, дорогая Анна?

– Да, – вздыхаю я с облегчением, но запах лилий всё ещё тревожит моё воображение, и белые лица прихожан с синими тенями на губах и щеках стоят перед глазами.

– Проводите старушку? – прозрачные глаза смотрят снизу вверх.

– Конечно, Марион!

– Дождь, кажется, почти закончился? – невесомая рука мадам Сабль ожила на моём согнутом локте, и голова с надеждой повернулась к просвету в облаках.

– Кажется, слабеет.

– Может, к вечеру утихнет?

– Может быть. Говорят, ресторан «Бараж» затопило.

– Опоры залило?

– Наполовину.

– Храни нас, Пресвятая Мать!

– Храни нас, Пресвятая Мать! – эхом отозвалась я.

Старушка доверчиво повисла на моей руке. А я почему-то подумала, что мадам Сабль с юности жила с мужем без предлюбовных ласк, которые мы сейчас называем любовью. Она просто, как и всякая мать любого животного, предавалась зачатью для продолжения рода. Но несмотря на то, что жила без любви, дом свой она не покинет, даже если Архангелы протрубят день Страшного суда. Она не уйдёт от своих кур, овец, сада, покойника мужа, похороненного в ста шагах от дома, своего луга, своей веры, своего дождя.

– Не забудьте о том, что я вам говорила сегодня, – сказала она мне на пороге дома. – Оденьтесь потеплее и соберите рюкзак. Будьте готовы!

– А как же вы, Марион?

– Не беспокойтесь за меня. Как, вы говорите, звали жену Ноя? Марион?

По правде говоря, я не знала, как звали жену Ноя и была ли вообще у него жена.

– Да, мадам Сабль. Её звали Марион.

– Со мной ничего не случится. Сегодня приедет сын и заберёт меня к себе.

Я знала, что она говорит так, чтобы успокоить меня. Три недели подряд она готовила комнаты для детей и внуков, но так никто не приехал.

– Дорогая Анна, не переживайте так... мне ни за что не подняться по этой «чёртовой» лестнице. Она слишком крутая для меня. А вы помните, что я вам сказала... Не мешкайте!

– Я понесу вас! Я не оставлю вас здесь одну умирать!

– Что за глупости! Я же сказала, скоро приедет сын!

– Это правда?

– Мы уедем в Ангулем, я уже и вещи собрала. А вам завтра улетать! Не хватало ещё здесь застрять! Идите! Идите, дорогая Анна! Передавайте привет Еве! От «Золотого льва» в одиннадцать вечера уходит последний автобус на Пуатье. Оттуда на поезде вы без проблем доберётесь до Парижа.

Мы расстались.

До вечера я присидела у окна, наблюдая за вспухшей рекой. В доме мадам Сабль шторы были задернуты, и не горел свет в окнах. Может, и правда, приехал сын и забрал мать в Ангулем?

В половине одиннадцатого я закрыла дом и с чемоданом на колёсиках пошла в направлении виадук.

Дождь почти закончился. Я с облегчением в сердце смотрела на просветы в облаках, в которых уже мигали первые белые звёзды.

На последней спирали лестницы я оглянулась и посмотрела вниз. Сверху как на ладони была видна освещенная прожекторами вздущаяся плотина и дома у нижней дороги. Свет ни в одном не горел. Всех эвакуировали. Лишь в доме мадам Сабль ярко светились все окна.

– Господи! Неужели она дома!

Дождь прекратился. Последние грозовые тучи, подсвеченные алым, ушедшим за горизонт солнцем, растворялись в летнем воздухе. Светлая июньская ночь раскинула крылья в бездонном небе.

Как же хорошо, что дождь закончился!

Глава 3

Уже садясь в автобус, я услышала над городом оглушительный вой сирены.

Часть 2. ДОМ МАДАМ НИНОН

Глава 1

Вообще, вся эта история с наследством не укладывалась у меня в голове. Неожиданное появление дома, о существовании которого я не догадывалась, земли вокруг дома на многие километры от Бурпёля, знакомство с мэром городка – всё походило на приключения из романа, не современного, а старинного, века девятнадцатого.

Я вышла во двор и, сев на каменную скамью в тени столетней акации, проникалась размером наследства от почившей, неизвестной тётушки. Два месяца назад я и знать не знала о её существовании.

Дом был очень солидным, четырёхэтажным. Считается, что именно в таких домах живут «приличные люди». Я рассматривала классический партер, сложенный из гранитных блоков. Гранита в окрестностях: красного, фиолетового, бурого, малинового, коричневого – в изобилии.

Переливаясь через широкие ладони гранитных валунов, в тёмных скалах, поросших зарослями колючей акации, грецкого ореха и молодыми дубками, питаемая многочисленными родниками и ручьями, стремительно неслась река Вьена. Ближе к Луаре, в которую она впадала, река вырывалась из каменного ложа на плоскую, как блин, равнину и несла зелёные воды спокойно и широко. В Бурпёле бурливую Вьену уладили две плотины, и река разлилась широким морем, зажата между ними.

Все четыре этажа дома смотрели на реку. Три верхних были сложены из кирпича: с балконами, эркерами, окнами в каменном обрамлении. Последний, четвертый – самый высокий, с пятиметровыми потолками. Судя по огромным окнам, через которые летнее солнце за день проходило насквозь, там когда-то была оранжерея.

На первом этаже потолки тоже очень высокие, до четырёх метров. К парадной двери вела лестница, завивающаяся спиралью с двух сторон, обрамлённая перилами с чугунными завитушками. Два боковых входа утопали в зарослях белого шиповника, ронявшего широкие лепестки на розовый гравий. Шиповник так разросся, что верхние ветви уже хватались за чугунные украшения балкона четвертого этажа и норовили зацепиться за крышу.

Дом главенствовал над другими домами, хотя стоял у самой реки, гораздо ниже других строений. Соседи смотрели на мой дом с горы сверху вниз, но за высокой террасой сада вряд ли им была видна хотя бы крыша. Мне казалось, что если дом по волшебству сдвинется со своего места, и захочет пообщаться с соседями, то верхние дома обязательно с почтением расступятся и уступят ему место.

Бывают такие дома, память о которых заходит в сердце и остаётся в нём навсегда. Так вот, это был именно такой дом. Я знала, что он будет мне снится, и я всегда буду возвращаться в его стены, родные и тёплые. Мне уже казалось, что дом снился мне раньше, и не раз, просто я не узнавала его среди других домов в чужих, незнакомых странах. А теперь обязательно узнаю, где бы он ни стоял – в полях, в стриженной стерне ржи, или в горах, под снежной вершиной. Хотя именно здесь, в Пуату, ему самое место. Дому сто семьдесят лет.

– Наполеон труа, – пробормотала я, увидев шато впервые три дня назад, подавленная мощью особняка.

Местность в этой части Пуату не похожа ни на одну другую, в которой мне случалось бывать раньше. Казалось, ни время, ни люди не имеют здесь своего влияния. В центре Фран-

ции, обжитой и цивилизованной, кое-где всё ещё чувствуется сила природы, изжитая в современных городах.

Ряды жилых домов шестнадцатого века поднимаются от реки на холм, к лугу, где пасутся ослы. Ослы спариваются и оглашают окрестности громким рёвом. На противоположном берегу выросла в землю церковь VIII века. Церковь действующая, сложена из серого гранита, по-католически очень высокая, широкая и в основании, и в плечах. В голове – колокольная башня с каменным крестом. Старый гранитный мост времён Великой французской революции перекинулся дугой с берега на берег и собрал вокруг себя и реку, и церковь, и дома по обеим берегам, и ослы, и ряды гнутых электрических фонарей.

Фонари гасят в полночь. В городе после полуночи работают только светофоры. Они мигают, как маяки в безбрежном море чёрной, крошечной темноты, переключаясь поминутно с красного на зелёный, с зелёного на красный...

Над рекой возвышаются стены средневекового форта. На небольшом острове, соединённом с землёй каменным мостом, стоит водяная мельница. Здания мельницы уже нет, но остался дом мельника под черепичной крышей, сложенный из глыб гранита. Рядом с домом выросли в скалистое основание мощные мельничные винты, сохранившиеся от водяного колеса.

Гигантские платаны в парке в центре города предоставлены сами себе. Под ними жёлтый гравий, чистый, сочный цветом, растоптанный за многие годы в пыль прихожанами церкви, свадебными и похоронными процессиями. Напротив – здание мэрии, построенное при Робеспьере. На площади тихо и жарко. Иногда с реки веет ветерок, и флаги Французской Республики у мэрии лениво шевелятся на флагштоках, и широкие листья платанов машут широкими ладонями. Рядом с церковью стоит памятник погибшим горожанам в I и II Мировых войнах. Простой обелиск из неотшлифованного серого гранита, метра четыре в высоту, на котором высечены имена погибших.

Нетронутые дубравы по берегам реки скрывают множество ручейков, бегущих к реке. Люди с белой кожей, светловолосые и чернявые, голубоглазые и кареглазые, улыбаются и здороваются при встрече.

Время здесь, кажется правда, остановилось.

Неужели неведомым образом я пересекла временную черту и перенеслась на полтора столетия назад...

* * *

Надо сказать, чувства, которые испытываешь, находясь в доме, которому всего-то сто семьдесят лет, по силе ощущений не уступают посещению столичного музея искусств, например. С той разницей, что в комнатах нет смотрительниц пенсионного возраста и все экспонаты можно трогать руками.

Скрипит под ногами натёртый до блеска тёмный дубовый паркет. Палисандровая мебель излучает сияние твёрдого, как камень, лака. Мягкие диваны и кресла, набитые упругим конским волосом, изумляют сочностью плюшевой обивки, а сочетание старинных лионских тканей горчичного и голубого цветов повергает в шок!

Мраморный камин...

– Это не мрамор, а порфир, очень редкий, – уточняет нотариус, – а на столешницах синезелёный мрамор из Индии.

Порфиновый камин, над ним зеркало в бронзовом окладе. На стенах картины в тяжёлых рамах, а за рамами изысканные манящие сюжеты со светлым летним небом. Старинные лампы мягко рассеивают свет на шёлковый ковёр с голубыми ирисами и на горчичные шторы. Лён такой плотный и блестящий, будто его только что накрахмалила и отгладила прачка. У окон – пустые кашпо без цветов. Это грустно.

– Здесь десять спален и десять ванных комнат, три гостиные, две столовые, одна из них с террасой, две буфетные комнаты, две кухни, два кабинета, библиотека, в цокольном этаже прачечная и ещё один дополнительный туалет и ванная, – продолжал объяснять нотариус.

– Не возражаете, если я осмотрю их позже, месье?

– Конечно, – кивнул нотариус.

Из гостиной две двери вели в комнаты, назначение которых мне было неизвестно. В ближнем дверном проёме я заметила круглый стол в окружении четырёх стульев с высокими спинками и бархатной зелёной обивкой. В дальнем – пестрел на старинном паркете сине-лиловый ковёр, и несколько таких же ядовито-зелёных стульев стояли у окна и у следующего распахнутого дверного проёма. С моего ракурса была видна лишь та часть комнаты, где находился камин белого мрамора, в котором я могла уместиться в полный рост. Массивный портал подпирали четыре мраморные колонны.

Я сглотнула подступивший к горлу комок.

«Значит, именно так выглядят старые деньги. Это тебе не дом нуворишей на Рублёвке. Здесь каждая вещь помнит хозяев. Господи... десять ванных комнат!»

Я оперлась рукой об индийскую мраморную столешницу, стараясь справиться с волнением. Рядом на столике стоял жёлто-красный цилиндр барабана с наполеоновскими пчёлами на ромбах.

Я покосилась на соседнюю дверь. Сейчас, звякнув мамелюкской саблей, из неё выйдет какой-нибудь месье Колло, офицер 1-го гусарского полка, качнёт меховым кивером с высоким плюмажем, кивнёт и выйдет восвояси, звеня шпорами.

– Налог на дарственную вы оплатили. Осталось только подписать бумаги, всё заверить в конторе и в мэрии, и шато *«Колло»* по завещанию в вашем полном распоряжении, – вновь прервал мои раздумья нотариус.

Я взглянула на него рассеянно. Так не вязался он с моими мыслями и мамелюкской саблей.

Молодой человек учтиво улыбался. Он был одет не в гусарскую форму, а в хороший синий костюм, белоснежную сорочку с пурпурно-коричневым галстуком. Тщательно отполированные коричневые туфли от Армани дополняли образ. Богатый сукин сын.

Нотариус посмотрел на часы и вновь учтиво улыбнулся:

– Если мы хотим успеть до обеденного перерыва, нам следует поторопиться. Вам понравилось шато, мадам?

– Мадемуазель... Да, очень красиво. Так чисто... Не верится, что здесь никто не жил уже пятнадцать лет.

– Восемнадцать лет, – мягко поправил нотариус. – Но за домом постоянно следили. По распоряжении владелицы – родственницы, подарившей вам шато, за домом была назначена опека.

– Вот как? – мне неудобно было сразу заводить разговор о деньгах, но учтивый молодой человек это понял.

– Опека назначена на двадцать лет. Так что, ещё два года вы можете не беспокоиться за оплату счетов за воду и электричество.

– Вот как, – повторила я.

– Всё ежемесячно списывается со счета в банке, – продолжал нотариус. – Вы получите бумаги в юридической конторе вместе с ключами и свидетельством о собственности. А завтра зайдёте в банк и откроете счёт. Вы хотите оформить вид на жительство?

– А можно?

– Почему бы и нет? В копеечку встанет, но вполне возможно.

– И сколько это, «встанет в копеечку»?

– Если предоставите дело вашему покорному судье, то обойдётся с оформлением всех документов и доверенности в шесть тысяч евро. Другие конторы возьмут дороже, – ответил нотариус невозмутимо.

– Намного дороже?

– Тысяч десять.

– Ого! А почему мне такие льготы?

– Для своих у нас другие расценки. Сегодня понедельник. На следующей неделе начнём процедуру. Мой секретарь позвонит вам и согласует день встречи для оформления заявления в пятницу, скажем, часов в одиннадцать утра. Вам удобно?

– Удобно! Спасибо, что возитесь со мной, мэтр Моро!

– Не стоит благодарности, мадемуазель Ева.

Моро пропустил меня вперед. У входа он отдал ключи:

– Теперь они ваши.

* * *

Мы вышли из дома и направились к машине, стоявшей на обочине:

– Прошу вас, – Моро учтиво открыл пассажирскую дверь.

«И не жарко ему в костюме?»

Впрочем, костюм нотариусу шёл. Он обошёл машину и энергично плюхнулся рядом. От молодого тела шла жаркая волна.

Я откашлялась, отгоняя от себя мысли о его сексуальности, и спросила:

– Вы знали мадам Нинон?

– Видел как-то, когда отец взял меня с собой в контору. Давно, ещё в юности.

– Ваш отец был поверенным мадам?

– Да, мне было тогда всего пятнадцать.

– Жаль, что вы её не запомнили.

– Я очень хорошо её запомнил, – пронзительные синие глаза скользнули по моему лицу, – впрочем, если вас интересует внешность мадам Нинон, то в шато, в столовой, есть её портрет в молодости.

– Но меня интересует не только её внешность!

– Что же ещё?

– Почему мадам оставила наследство мне, внучатой племяннице?

Я, конечно, знала, от мамы и от бабушки, что где-то в Монте Карло (или в Ницце?) у нас осталась родня, сбежавшая за границу после Революции, но всё это казалось скорее выдумкой, чем реальностью. И тут – на тебе! Наследство от двоюродной прабабки Нинон Колло, о которой я слыхом не слыхивала.

– Почему я? Насколько я знаю, мадам была замужем и...

– Супруг, месье Колло, скончался ещё в девяносто девятом.

– Восемнадцать лет назад?

– Совершенно верно. Детей в браке не было, вне брака тоже. Мадам Нинон была единственным ребёнком в семье. Ближайшая родственница, оставшаяся в живых – её младшая кузина, ваша бабушка. Она тоже почилла.

– Но моя мама, её двоюродная племянница, ещё жива!

– Я не спрашивал, почему шато наследуете вы, а мадам не говорила. Вероятно, мадам Нинон хотела, чтобы её владение попало в более молодые руки. Она решила по своему усмотрению распорядиться наследством, оттого и оформлена дарственная. Шато «Колло» – всего лишь часть владений. Вы уже знаете, что мадам завещала большую часть имущества и земель Фонду поддержки сирот в Барселоне.

Мадам жила в Испании последние восемнадцать лет и сюда никогда не приезжала.

– А отчего скончался месье Колло?

– Он пропал без вести. Ушёл из дома и не вернулся.

– Из дома? Какого? Моего?

Нотариус кивнул.

– Поэтому мадам Нинон уехала отсюда?

– Вероятнее всего. Его долго искали.

– Не нашли никаких следов?

– Только носовой платок со следами крови. В платок был завернут камень. Вероятно, кто-то хотел избавиться от орудия убийства.

– Вы хотите сказать, что где-то на моей земле нашли окровавленный платок месье Колло?

– Ну да.

– Значит, он пропал где-то неподалёку?

– Мы этого уже никогда не узнаем, мадемуазель.

– Можно просто Ева.

– А меня зовите Анри, – улыбнулся молодой человек.

* * *

Разговор состоялся три дня назад. Сегодня четверг, и с понедельника я не была в шато «Колло», ночевала в отеле.

Я набралась храбрости и вошла в дом со стороны бокового входа. Вход был заслонён брендмауэром и был совершенно незаметен со стороны улицы.

Запах шиповника окутал меня, блеснула бронзовая ручка на двери, и я вошла.

Нижний этаж, цокольный. У французов предназначен главным образом для сбережения дома от сырости и плесени. Дверь ведёт в гостиную через служебное помещение и кухню.

Поднимаюсь по невысокой лестнице в коридор, ведущий в гостиную и в столовую. Все звуки пропали. Ни пения птиц снаружи, ни жужжания газонокосилки, ни шума дороги D10.

D10 – это путь к отступлению. Обычная дорога местного значения. Никогда не бывает пробок. Лишь на мосту у светофора собирается пять-десять машин, и то в час пик. Дорога нежно блестит после дождика, и воздух над ней всегда дрожит.

В доме я одна. Ни души вокруг.

В комнатах пахнет пылью и, вероятно, каким-то моющим средством с ароматом лаванды. Позднее, я догадалась, что это запах средства от моли. Других признаков жизни нет. Ни запаха жаркого или супа из шампиньонов, ни жареной картошки, ни ни вкуса кипячёного белья, ни мяуканья кошки.

Нотариус сказал, что в доме дважды в неделю убирается приходящая прислуга.

Мебель в доме только расчехлили, и идеальной чистоты льняные шторы цвета горчицы спадали высокими колоннами вдоль окон. Обстановка состояла из трёх диванов, обтянутых нежно-мятным репсом, стоявших буквой «пэ» вокруг мраморного камина, двух кофейных столиков и одного журнального посередине. На камине возвышалась разноцветным грибом внушительная лампа в стиле «Тиффани», её близнец-торшер расположился у дивана. На противоположной от камина стене, вероятно, когда-то висела картина. Её след светлым пятном выделялся на светло-лимонных обоях. Потолок в молдингах, лепнине, как и ожидалось от дома эпохи Наполеона III.

В окнах, заслоняя полнеба арками перекрытий, раскинулся виадук – ровесник дома. Раньше по виадуку проходила железная дорога, но в пятидесятые годы из-за нехватки металла в стране железную дорогу в Пуату разобрали. Из моих окон были видны крыши бывшего вокзала и привокзальной гостиницы. Об этом рассказал нотариус, встречавший меня в Пуатье

утром в понедельник. Более в этом городке мне ровно ничего не было знакомо. Ни дома, ни улицы, ни деревья, ни люди.

Я прошла на кухню и посмотрела в окно на соседский дом. В нём жила мадам Сабль. Костлявая и крепкая старуха лет восьмидесяти семи. Об этом мне тоже сообщил нотариус.

На улице Вьен было всего два дома: мой и мадам Сабль. За домом с обрыва террасами спускались фруктовые сады, и до самой плотины строений не было – только земли моих новых владений и мадам Сабль.

Когда я расплачивалась с водителем такси, мадам Сабль вышла из калитки своего сада и первой поздоровалась с нотариусом:

– Здравствуйте, мэтр Моро! Как поживаете? Как здоровье уважаемого папаши Моро?

– Здравствуйте, мадам. *Са ва!* Как вы поживаете?

– *Са ва!* – улыбнулась старуха и вопросительно на меня посмотрела.

Нотариус представил меня старухе:

– Это ваша новая соседка, мадемуазель Ева! Ева, это мадам Сабль.

– Называйте меня Марион, дорогая! – улыбнулась Мадам Сабль, – мы же теперь соседи!

Заходите на кофе, когда закончите с делами!

Я поблагодарила мадам Сабль и обещала зайти.

Теперь мадам Сабль, увидев меня в распахнутом окне кухни, помахала рукой и показала на два аппетитных кекса на тарелке:

– Заходите ко мне, Ева. Выпьем чаю в саду!

Честно говоря, мне совсем не хотелось пить с ней чай, но и отказывать старушке было неудобно.

Мадам ловко накрыла стол в саду, и когда я вошла в калитку, на серебряном подносе уже стояли две фарфоровые, костяные чашки и высокий, начищенный до зеркального блеска кофейник.

Я вспомнила все дежурные фразы, заготовленные дома на случай неожиданного знакомства, и, хотя в Москве они казались напрасными хлопотами и тратой сил, здесь, в Пуату, на первый случай очень дажегодились. Французский я знала благодаря стараниям моей матери. Она будто чувствовала, что французский когда-нибудь мне пригодится, и с детства вдалбливала мне незнакомые слова.

Как сейчас, помню. Дня не проходило!

– Ева, скажи: *гарсон!*

– *Гарсон!*

– Что это значит?

– Мальчик!

– Правильно! Скажи: *юн мейзон!*

– *Мейзон!*

– Что это значит?

– Дом!

– Правильно! Скажи: *ан тэ!*

– *Ан тэ!*

– Что это значит?

– Чай!

– Правильно! Скажи: *юн тас!*

– *Тас!*

– Что это значит?

– Чашка!

– Правильно! А теперь сложи все слова вместе! Скажи: мальчик, дайте мне чашку чаю, пожалуйста!

– *Мёсье, доне муа юн тас де тэ, сильвуплэ!*

Я ещё не читала и не писала по-русски, но уже знала, что такое *гарсон, мейзон, тэ, тас, ваз* и прочее. И всё же, несмотря на десятилетнюю подготовку дома и в спецшколе, говорить на неродном языке было сложно. Кажется, мадам Сабль это поняла и задавала вопросы медленно, чётко разделяя слова:

– И что же вы будете делать с домом, дорогая? Сдавать внаём или продадите?

Мадам было так любопытно, что она совершенно потеряла чувство такта.

Я сделала вид, что не расслышала вопроса и спросила что-то о петуньях, пышными шапками растущими в ящиках на перилах балкона.

Мадам Сабль скользнула равнодушным взглядом по петуньям и добавила:

– Продать будет трудно. В доме печное отопление. Последний раз реконструкция в особняке была, кажется, в пятьдесят третьем. Да, да, в тот год разобрали железную дорогу на виадуке. Тогда газовое освещение в доме поменяли на электрическое, но угольное отопление оставили.

– Как угольное? – переспросила я.

– Дом топят углём, разве вы не знали, дорогая?

«Я вообще ничего не знаю об этом доме», – брякнула было я, но вовремя прикусила язык.

– В трубах вода разведена по всему дому, так что зимой во время морозов, нельзя оставлять дом не прогретым – трубы и батареи разорвёт. Раз в полгода в ваш дом завозят уголь и сбрасывают в цокольный этаж.

Я вспомнила, что у западного входа действительно есть ворота, через которые мог вполне проехать грузовик с углём.

– Так что, если захотите разжечь плиту или согреть воду для ванной, придётся топить печь в топочной.

Я захлопала глазами. В двадцать первом веке топить печь для ванной! И я припомнила её, чугунную, колченогую, с плоским носиком медного крана и латунными ручками на гладкой белоснежной полочке.

– Но вы не переживайте! Топить достаточно один раз в день! Горячей воды хватит до следующего утра! Но если вы все же хотите продать дом, придётся ставить бойлер. Мазут выходит, конечно, дороже, чем уголь, но зато гораздо чище в топочной!

– Да, да! – кивала я головой, совершенно сбитая с толку.

– Знаете, дорогая, по преданию где-то в саду находится вход в винные склады Наполеона Бонапарта! Подземные ходы были прорыты ещё в средневековье. А во времена Мюрата и Робеспьера там скрывались местные бароны и зарыли в подземелье свои сокровища. Старые городские карты сгорели во время пожара в мэрии во время Первой Мировой. Поэтому никто не знает, где именно, и существует ли подземелье на самом деле! Но многие искали эти склады! В том числе и покойный супруг мадам Нинон!

Мадам Сабль решила, что достаточно меня напугала и улыбнулась:

– Как вам наш адвокат, мэтр Моро?

Я пожала плечами:

– Очень любезный молодой человек.

– Не женат, – многозначительно посмотрела мадам Сабль.

– Вот как, – не нашлась я, что ответить.

– Вы, я слышала, приглашены на свадьбу к сыну мэра в следующее воскресенье.

– Д-да, – неуверенно ответила я, – но ещё не решила, стоит ли идти. Незнакомое место, незнакомые люди...

– Конечно, стоит! – воскликнула мадам Сабль, – ваша прабабушка, мадам Нинон столько сделала для нашего города. Все смотрят на вас, как на продолжательницу её добрых начинаний!

Она – Почётная гражданка нашего города! Вы, благодаря ей – часть истории Бурпёля! Вы должны пойти обязательно! Познакомитесь со всеми! Я вам помогу!

«Она рехнулась!» – подумала я. – Часть истории Бурпёля!»

– Вы тоже там будете?

– Конечно! – мадам Сабль замялась. – Вы видели портрет мадам Нинон в столовой?

– Видела, – соврала я, не моргнув глазом.

«Что же это за портрет такой! Вот и мэтр Моро о нём упоминал!»

Мадам Сабль взглянула на меня из-под очков:

– Я слышала, что мэтр Моро будет вас сопровождать на свадьбе?

«Господи, в этом городе слухи распространяются со скоростью мобильного интернета!»

– Если я пойду, – кивнула я.

– В таком случае вам, дорогая Ева, нужно кое-что знать о нём.

– Что же я должна знать? – совершенно растерялась я.

– Я расскажу вам историю, а вы уже сами сделайте соответствующие выводы.

– Хорошо.

Я подумала, что старуха совершенно чокнутая и, пока я не выслушаю её, не отвяжется.

Я дружелюбно улыбнулась.

– История совсем не длинная. Я не займу у вас много времени, дорогая!

* * *

Мэтра Моро я знаю с детства. Он родился и вырос в нашем городке. Отец – городской судья. Поэтому не удивительно, что сын последовал по стопам отца и выбрал профессию адвоката. Я преподавала ему французскую литературу в старших классах. Ох, как время летит! Это было пятнадцать лет назад! В то время я называла его Анри. Вихрастый, черноволосый подросток. Задумчивый, всегда с книгой.

Анри рос вполне обыкновенным ребёнком, если говорить об учёбе. Учился неплохо, но и не отлично. Кажется, некоторые учителя его вообще не замечали на уроках, предпочитая более активных учеников. Одноклассники также не особо выделяли его.

Но было нечто, что отличала его от других. Он был без памяти влюблён в свою одноклассницу Шарлот Ричардсон. Она была очаровательна. Белокурый ангел! Девочка приехала к нам с матерью, после её развода с отцом-англичанином из Лондона. Анри тогда учился в одиннадцатом классе. Дети подружились. Всем казалось, что любовь была взаимной и после окончания школы они поженятся. Очень он её любил.

Но после школы они не поженились. Решили со свадьбой повременить. Родители настаивали, что обоим надо продолжать учёбу в университете. Анри поупорствовал, подёргался, но против воли отца не пошёл. Записался в Легион и ушёл в армию на два года. Когда вернулся, его было не узнать. Вырос, возмужал, окреп, похорошел. Исчезла юношеская угловатость, скованность, появилась уверенность в движениях, походке. В общем, вырос мальчик.

Первым делом отправился к Шарлот, узнать, почему она не отвечала последние полгода на его письма. Конечно, он догадывался почему, но решил, вероятно, услышать ответ от неё. Но ответ он получил не скоро. Шарлот вышла замуж. Вышла за самого отъявленного негодяя в нашем городе, Жюля Жарни. Ох, и живодёр же был этот Жарни! Ещё в детстве, помню, поймает двух-трёх котов, свяжет хвостами и лупит палкой! Коты орут, бегут в разные стороны, а ему потеха! Подлый и жестокий человечиска, но всегда умел выйти сухим из воды. Знаете, у него было очень неприятное рябое лицо и кривая ухмылка.

Что уж Шарлот нашла в этом мерзавце – большая тайна. Ладно бы был красавцем! Рожа рябая, ухмыляется так противно! Они уехали в Париж. Жарни получил там контракт техника-технолога на фабрике по производству йогуртов и увёз Шарлот с собой.

Анри отправился в Париж. Разыскал Шарлот. К тому времени он уже забеременела от Жарни. Шарлот была несчастна с Жарни – тот постоянно её избивал, даже беременную. Дело кончилось дракой между Моро и Жарни. Анри за занесение побоев угодил в тюрьму на два месяца, а когда вышел и заявился к Шарлот, та сказала, что больше не хочет видеть его, и чтобы он не вмешивался в её личную жизнь.

Анри вернулся в Бурпёль. Прошло ещё два месяца. Вернулась домой и Шарлот. Она была на шестом месяце беременности. Сбежала от мужа к матери, не в состоянии больше выносить его побои. Жарни заявился через два дня. В общем, все кончилось очень плохо. У Шарлот отошли воды, и начались преждевременные роды. Её увезла скорая, и несмотря на старания врачей не допустить родов, она родила крошечную девочку весом всего кило двести.

Этот придурок Жарни зачем-то заявился утром в госпиталь с букетом цветов – поздравить молодую мать с рождением дочери. Утром-то малышка умерла. А у бедной Шарлот началась горячка, и к вечеру того же дня и она отошла в мир иной.

Мерзавец Жарни даже не был на её похоронах. Он сбежал из страха перед мстью Моро. Накануне тот ворвался к нему в дом, и, если бы не отец Жарни и ещё пара крепких парней, бывших тогда в доме, наверняка бы убил его или отделал до полусмерти. Моро кричал, что найдёт Жарни, где бы тот ни был, из-под земли достанет и убьёт.

Но мерзавцам всегда везёт. Жарни получил контракт на дочерней фабрике в Америке, и пока Моро искал его в Париже, благополучно улизнул.

Моро переживал страшно, исхудал, покрылся крапивницей, пару месяцев пил в баре, пару месяцев сидел безвылазно в доме папаши-судьи, но потом вдруг исчез.

Он вернулся из Бордо через шесть лет с дипломом мэтра юриспруденции и лицензией адвоката, основал в Бурпёле нотариальную контору и с тех пор живёт здесь. Скромно, тихо, очень благопристойно. Ни о Жарни, ни о бедняжке Шарлот никогда ни словом не упоминал с тех пор. А прошло уже двенадцать лет.

Мадам Сабль грустно улыбнулась.

Поначалу я слушала растерянно, но постепенно история мэтра Моро захватила меня, и я не могла скрыть волнения.

– Какая грустная история!

– К сожалению, она ещё не закончилась, дорогая! Дело в том, что мерзавец Жарни вернулся из Америки год назад.

– И что же будет?! – ахнула я.

– Кто знает... Пока всё тихо. Жарни за версту обходит Моро стороной, но тот и не думает приближаться к нему. Будто Жарни и не существует.

– Значит, всё в прошлом, мадам Сабль?

– Я бы так не сказала. Мэтр Моро каждую неделю навещает могилу Шарлот.

Дело в том, что она похоронена не на городском кладбище, а здесь, недалеко. Место уединённое, скрытое от людских глаз. Никто не видит, кроме меня. А могила – вон она. Видите, вон там, за виадуком, у самой воды надгробие в зарослях ирисов? Из вашего дома не видно, а из моих западных окон на втором этаже могила очень хорошо видна. Мэтр Моро приходит всегда по субботам. Вроде бы с собакой гуляет, но я-то знаю, что не просто так. Будьте осторожны, дорогая.

– Но я-то тут причём?

Мадам Сабль пожала плечами:

– Может, и не причём. Но вы же русская...

* * *

Рассказ мадам Сабль оставил неприятный осадок. Я представила мэтра Моро, одетого в тёмно-синий костюм, в дорогих коричневых туфлях, с короткой стрижкой. Открытый умный взгляд, приятное, гладко выбритое лицо и вежливые манеры. Не вязался мэтр с образом непримиримого мстителя.

«Вы же русская!»

Ну и что! Что за странные здесь люди! В гостинице, где я поселилась, хозяйка тоже очень удивилась и воскликнула: *«Вы – русская?»* – так громко, что испугала кота.

Я приехала в Бурпёль три дня назад. Мэтр Моро, оформлявший сделку о наследстве, встретил меня на вокзале в Пуатье и привёз в Бурпёль. Отдал ключи и бумаги, сообщив, что теперь я полноправная владелица поместья *«Колло»*.

Так уж вышло, что, вступив в права владения, я, увидев огромный особняк, побоялась ночевать одна в пустом доме. В тот день шёл дождь, и дом показался мне неприветливым, мрачным. А сегодня, когда солнце светило с утра, заливая ярким светом реку, сад и дорогу D10, комнаты излучали приветливость, шторы нежность и мягкость. Вид на реку из окон завораживал красотой.

Конечно, глупо платить за гостиницу, когда в моём распоряжении огромный особняк, прекрасно меблированный к тому же. Поэтому я села в арендованный «Рено» с твёрдой уверенностью переехать в дом завтра же днём, сразу после посещения конторы мэтра Моро.

Я отправилась в ближайший супермарше и накупила еды и мелочей для уюта. Вспомнила про пустые кашпо в гостиной и заехала в садовый центр. Загрузила «Рено» до самой крыши. Вернувшись, первым делом вынесла из гостиной круглый стол и ярко-зелёные стулья. Стулья были частью столового гарнитура, разбросанного причудами приходящей прислуги по первому этажу. В столовой собрала вокруг длинного обеденного стола всех зелёных беглецов. Стульев оказалось двенадцать, а вокруг круглого ломберного стола полагалось стоять четырём зелёным креслам, уютившимся до этого вдоль стен. Удивительно, как преобразается пространство, если правильно расставить мебель.

Я люблю цветы и купила их множество. Расставила в гостиной кашпо с пальмами и монстерами, вазы с фруктами, бросила на ментоловый диван у камина пушистый плед и пару подушек, поставила свечи в канделябры. Из московской квартиры я привезла несколько книг на русском, положила на столик у лампы. *«Война и мир»*, два толстых тома, как нельзя кстати подходили по содержанию к интерьеру, где наполеоновская символика была повсюду. Наташа, Пьер, Андрей – любимые герои, которых я со школьного возраста искренне считала частью моего мира, поселились в стенах дома, и комната удивительно преобразилась, наполнилась домашним теплом, характером хозяйки.

Я видела, что мадам Сабль наблюдает из окна, как я выгружаю из багажника ящики с цветами, посуду и утварь, одеяла, подушки, постельное бельё, пакеты с едой и вином.

«Да, да, осваиваюсь, старая сплетница!» – я улыбнулась и махнула ей рукой.

Мне было радостно и легко на душе. Будто я вернулась домой из дальнего странствия!

Освоившись в гостиной и столовой, я отправилась на кухню. Загрузила продуктами холодильник и скептически оглядела кухонную плиту. Огромная, в шесть конфорок. Питание из газового баллона. Его-то я и забыла купить.

«Ну, ничего, завтра утром куплю по дороге на автозаправке. И нужно что-то решить с интернетом.»

В хозяйской спальне стояла лишь широкая и высокая кровать. Матрасы новые.

«Интересно, а где же остальная мебель?»

Я прошлась по второму этажу. Нашла тумбочки и кофейный столик с креслом. Ещё час ушёл на наведение уюта, смену постельного белья. Когда на кровати улеглись шёлковые подушки и не осталось ни одной складочки на шёлковом нежно-голубом покрывале, когда в вазе на кофейном столике, ро-няя капли влаги с зелёных листьев, заблагоухал белый шиповник, я, наконец, успокоилась.

Белый шиповник в вазе – это обязательно! Мне предстоит спать в этой кровати, и я собираюсь видеть только приятные и нежные сны! Нежные, как розовые бутоны!

Неожиданно я представила себя лежащей на белой простыне – обнажённую, спящую в позе Данаи. Мужское лицо восходит надо мной. Его бедра тесно прижимаются к моим. Я глажу его гладкую широкую спину. Упругая кожа нежная и атласная. Чёрные волосы кажутся почти синими на фоне белого, как алебастр, лица. Губы шепчут моё имя! Лицо искажается в экстазе... Его лицо – размытое пятно, но я знаю точно, что это лицо Анри Моро.

Я вышла из спальни и спустилась вниз в столовую. Уже смеркалось, и я включила свет. Зажглись все лампы в люстре и два бра, освещавших портрет мадам Нинон над камином. Впервые я взглянула на него внимательно и... остолбенела от изумления. С портрета на меня смотрела молодая белокурая женщина. Это была я.

Глава 2

Всю ночь я только и думала о портрете. Человек непосвящённый вполне мог бы принять его за французский аналог портрета «Дориана Грея»! Но портрет был прекрасен, мадам Нинон на картине – молода и красива, значит, ничего предосудительного, ужасного, развратного в её жизни не было, если принимать во внимание тот факт, что жизнь откладывала отпечатки на лице портрета в романе! Значит, в портрете нет ничего мистического! И всё-таки, я – это я, а она – это она!

Успокоившись, я уснула.

Наутро, отпивая кофе из большой фарфоровой чашки, я встала перед портретом и долго вглядывалась в покрытое кракелюрами лицо. Звонок телефона прервал размышления.

– Хххх... – раздалось в телефоне, и в груди похолодело.

– Простите, что? – переспросила я трубку и услышала несколько раздражённый женский голос:

– Доброе утро, мадемуазель Морозова. Вас беспокоят из нотариальной конторы. Это хххх... Напоминаю, что вы записаны к мэтру Моро сегодня в одиннадцать, хххх...

– Спасибо, я помню, мадам, – я не расслышала имя секретаря, которое она произнесла очень быстро. Старый телефон трещал и шипел.

– Вы будете вовремя?

– Конечно.

– Хххх...

– Простите, что?

– Хххх...

Я повесила трубку на рычаг, напоминавший рожки у чёртика.

Телефон был очень старый, с витым шнуром и дисковым набором и вполне соответствовал обстановке дома.

– Прошлый век какой-то... – пробормотала я и пошла одеваться.

«Ну что ж такого! – В конце концов – мы с Нинон родня! Её бабушка приходилась родной сестрой моей бабушке. А мама всегда говорила, что мы похожи, как две капли воды!»

Я припарковала машину у нотариальной конторы. Без пятнадцати одиннадцать – я пришла рано. Секретарь – непривлекательная, грузная мадам средних лет с лицом профессиональной стервы, недоброжелательно взглянула на меня и попросила обождать полчаса, указав

на ряд жёстких стульев, обтянутых дерматином. Я огляделась. Приёмная как приёмная. Безликая и равнодушная, как и большинство приёмных. С застоявшимся воздухом, с запахом бумажной пыли. На столе секретаря за низкой стойкой светится экран компьютера, в углу шкафы с документами, вдоль стены – сейф, копировальная техника и стойка с бланками и рекламными проспектами, в другом углу – сервировочный столик, кофе-машина и небольшой холодильник. На широком подоконнике – маленькая вазочка с букетиком свежесрезанных незабудок...

«Мои любимые цветы!»

...На стенах – довоенные чёрно-белые фотографии Бурпёля с изображением железнодорожного вокзала, которого уже нет, виды старых пустых улиц и снимки мужчин в шляпах.

Я взглянула на стопку зачитанных журналов для клиентов, разложенных на стеклянной столешнице веером, и сказала, что подожду в саду.

Выйдя из двери, повернула направо за угол дома в распахнутую калитку, поднялась по ступеням и оказалась в милом ухоженном садике, окружённом по периметру невысокой каменной кладкой. На подстриженном газоне буйствовали маргаритки. По углам пышно цвели кусты розовой гортензии. Дорожка из сланца вела от калитки в густую тень высоких вязов, плакучих ив и белых акаций, росших по берегам ручья.

Дом старого судьи Моро стоял на тихой тенистой улице, на холме, гораздо выше шато. Река, текшая у моего дома, из нотариальной конторы была заметна только по шапкам акаций, росших по берегам. Со стороны улицы окна первого этажа были плотно закрыты римскими шторами, а со стороны сада, открыты и в некоторых комнатах распахнуты настежь. Белые занавески надувались и опадали, как паруса корабля.

Я пошла по тропинке к ручью и остановилась, не дойдя до половины, сообразив, что разгуливаю по частной собственности. Холодок пробежал у меня по спине. Для французов нет ничего страшнее, чем нарушение прав приватности. Это их особый, отвоёванный на баррикадах тип свободы. Каждый гражданин имеет право на собственность, и нарушение её карается законом.

«Господи! Как же неудобно!»

В открытых окнах были видны очертания мебели в столовой, библиотечный шкаф и даже кровать в спальне. На кровати, застеленной белым постельным бельём, кто-то спал. Девушка! Шатенка!

В одной из комнат, ярко освещённой солнечным светом, льющимся через боковое открытое окно, я заметила мэтра Моро. Он сидел спиной ко мне и беседовал с посетителями. Мне были видны их лица. Это была пожилая пара. Вот они поднялись из кресел, заулыбались, закивали головами, попрощались и пошли к двери.

Мне хотелось незаметно улизнуть. Но было уже поздно. Мэтр Моро встал проводить супругов, обернулся, увидел меня, подошёл к окну и приветливо улыбнулся:

– Добрый день, Ева! Заходите. Можно здесь, через эту дверь.

– Но ваша секретарь сказала, что только через полчаса, – не нашлась я с ответом, покраснев до ушей.

– Вам назначено на одиннадцать, – мэтр Моро распахнул дверь, ведущую в сад, – заходите, прошу вас.

Я пробежала через лужайку и запоздало поздоровалась:

– Извините за вторжение! Я не заметила предупреждающей таблички, – пробормотала я смущённо.

– Её здесь нет. Секретарь предупредила, что вы ждёте в саду. Вы принесли все бумаги? – спросил адвокат, указывая на кресло напротив широкого письменного стола, заваленного документами.

– Да, то, что перечислила секретарь.

Моро нажал кнопку селекторной связи:

– Мадам Катиш, зайдите ко мне.

Секретарша тут же вошла, остановилась на пороге с блокнотом и ручкой.

Опасливо посмотрела на ковёр, будто бы он был границей, за которой начинались опасности.

– Что угодно? – секретарша подняла широкую густую бровь, никогда не знавшую рейсфедера.

– Принесите, пожалуйста, документы мадемуазель Морозова и... – тут Моро обратился ко мне, – не желаете чашечку кофе или чаю?

– Чашку кофе, с удовольствием, месье.

– ... и две чашки кофе.

Секретарша смерила меня уничижительным взглядом и скрылась за дверью. Раздался шум кофе-машины. Не прошло и тридцати секунд, как секретарша вернулась.

Запах кофе разнёсся по комнате.

– Мадам Катиш – дама с характером, но дело своё знает превосходно, – заметил, как бы между прочим нотариус. – Вот, посмотрите, пожалуйста, договор и заполните заявление, – Моро протянул мне тонкую стопку бумаг, скреплённую скобкой.

Он сел в высокое кресло и принялся изучать мои документы.

Я исподтишка рассматривала его. У Анри Моро были манеры человека, уверенного в себе, которого нелегко удивить. Пожалуй, он даже был слишком уверен в собственном превосходстве. Лицо спокойное, немного отрешённое. Обычно такие лица бывают у мужчин, которые немало видели на своём веку и пережили что-то трагическое. В таких лицах не бывает весёлости. Горе не сломило их, но навсегда оставило в лице лёгкий налёт печали, торжественной и не проходящей.

Вряд ли он сентиментален, но и чёрствым его назвать нельзя. Раз увидев такое лицо, вряд ли уже позабудешь. Это как город, в котором был проездом. Можно забыть его силуэт, или даже название, но от этого город не перестанет существовать. Он навсегда останется на своём месте.

Почему-то не давала покоя мысль, любит ли он по-прежнему Шарлот.

Я рассматривала его точёное лицо, твёрдый подбородок, плотно сжатые губы и задавала себе вопрос, как эта глупышка Шарлот могла променять такого мужчину на кого-то другого.

– Вы всё прочли? – прозвучал его голос с другой стороны стола.

Моро в упор пристально смотрел на меня. Синие глаза на мгновение скользнули по губам.

– Д-да, вот только в пятом пункте вопрос.

– Какой?

– Здесь сказано, что необходимо указать адрес проживания моего бывшего супруга. Но мы развелись три года назад и больше не общаемся. Я не знаю его адреса.

– Давайте посмотрим, – Моро поднялся, обошёл вокруг стола и встал у меня за спиной. Палец скользнул по пятому пункту, – у вас при себе свидетельства о браке и разводе?

– Да, я взяла с собой все документы, как вы и советовали.

– Телефон бывшего супруга вы знаете?

– Не знаю, а зачем он мне? – удивилась я. – Мы не поддерживаем отношений.

– Сведения о бывшем муже необходимы, что-бы обезопасить вашу собственность от незаконных притязаний с его стороны, – Моро опёрся правой рукой о стол так, что наши лица были почти на одном уровне. – Это очень важно в вопросах наследства, и, если он отбывал тюремный срок, например, до брака с вами и вы знали об этом, вступая в брак, вам могут отказать в оформлении вида на жительство.

– Он не сидел в тюрьме.

– Чем он занимался?

– Он врач, так же, как и я. Терапевт. Мы работали в одной больнице.

- Хорошо. В браке были дети?
 - Не было, мы были женаты совсем недолго, всего полтора года.
 - А причину развода можно узнать?
 - Это тоже необходимо для безопасности собственности?
 - Да, я теперь ваш адвокат и должен знать некоторые тонкости вашей частной жизни, – глаза мэтра Моро смотрели в мои.
 - Мы не сошлись характерами.
 - Он плохо обращался с вами?
 - Как сказать. Если эгоизм и равнодушие можно соотнести с плохим обращением, то да.
 - Зачем же вы вышли за него?
 - Затем, что никто не застрахован от ошибок, – сказала я с ноткой раздражения.
 - Это верно, – согласился Моро. – Сделаем вот что. Напишите последний известный адрес вашего бывшего супруга и последний известный телефон.
 - Адрес я укажу, а номер мобильного я никогда не помнила наизусть! Сразу после развода я его заблокировала и уничтожила!
 - Лихо! – мэтр Моро улыбнулся, – в таком случае укажите последний рабочий телефон.
 - Больницу закрыли, персонал уволили.
 - Ставьте прочерк, – Моро убрал руку со стола и вернулся в своё кресло.
- Мы работали до полудня. Наконец, когда все трудные места были согласованы, мэтр Моро вызвал мадам Катиш и попросил меня пойти с ней и решить вопрос оплаты.
- Вы оплачиваете пятьдесят процентов от суммы, – сказала Катиш, почти не разжимая губ, – остальные пятьдесят после получения документов.
 - Банковский перевод с карты на карту подойдёт?
 - Подойдёт. Большая сумма, – посмотрела она из-под очков.
 - Тут не поспоришь.
 - Но можно и вовсе не платить, – улыбнулась мадам Катиш, и её улыбка не сулила ничего хорошего.
 - Как это, вовсе не платить? – я удивлённо уставилась на секретаршу.
- Та сверкнула злобными глазками:
- Вам достаточно убрать из своей фамилии два последних слога, мадемуазель Морозова. «Моро-зо-ва? Моро?»
- Я опешила от такой наглости, но ответила:
- Уберите лучше из своей.
- «Да как она смеет!»

* * *

- Мэтр Моро вышел из дверей кабинета, держа в руках подписанный договор.
- «Наверное, он слышал!»
- Пройдите ко мне, мадемуазель Морозова. Давайте заканчивать.
- Я уселась напротив стола Моро, кипя про себя праведным гневом. Он откинулся в кресле и посмотрел на меня:
- В чём вы пойдёте на свадьбу к мэру, Ева?
- Вопрос был неожиданный, и я растерянно улыбнулась:
- Как это, в чём?
 - У вас есть вечернее платье? По регламенту все гости в вечерних костюмах красного, винного или малинового цветов.
 - Нет... такого платья у меня нет. А у вас?
- Мэтр Моро улыбнулся:

– Платья нет, но есть смокинг, красный пояс и бабочка. Может быть, съездим в Пуатье за платьем? Винный и красный очень популярны в этом сезоне. Вы обязательно подберете себе что-нибудь подходящее. Заодно и пообедаем. Я знаю чудесный ресторанчик на берегу реки. Там подают только что выловленную рыбу. Как вам такое предложение, Ева?

Всё было сказано спокойно, с улыбкой, но по тому, как Моро стучал карандашом по блокноту, было видно, что он волнуется.

– А это удобно?

– Конечно. Сегодня пятница – контора работает до обеда. Я должен был вести семинар в Пуатье, но его перенесли на следующую пятницу.

– А ваша девушка не будет против? – брякнула я, вспомнив о шатенке, спящей в бело-снежной кровати.

– Какая девушка? – не понял Моро и пристально посмотрел на меня.

– Ну-у, – протянула я, махнув рукой в сторону сада.

– Вы, вероятно, о моей младшей сестре? Она приехала на каникулы из Бордо. Она не будет против.

– Хорошо, Анри, – кивнула я, – но мне нужно на минуту заскочить домой.

– Прекрасно, езжайте, поставьте машину, а я заеду за вами минут через двадцать.

– Мы поедem на вашей машине?

– Мне кажется, это будет правильно, потому что я лучше знаю местность, – Моро крутил в пальцах карандаш.

Бурпёль – городок маленький, но холмистый. Дома поднимаются от самого берега реки до вершины холма, на котором стоит церковь. К ней от моего дома ведёт извилистая и кривая пешеходная дорожка, во многих местах пересекаемая шоссе. Разница в высоте метров сто пятьдесят. Учитывая, что ходить приходится не по прямой, а обходя частные владения, сады, парк, ручей, кладбище, магазинчики и автостоянки, автомобиль – настоящее спасение. Машины есть у всех, кто в состоянии передвигаться. Даже у престарелой мадам Сабль восьмидесяти семи лет.

Я спустилась вниз с холма, от дома мэтра Моро, описав по городу несколько кругов по серпантину вниз – так вела дорога. У реки, как обычно, на расстоянии друг от друга рыбачили несколько месье на пенсии. Въехав в ворота, я припарковала свой «Рено» у гаража и вышла, чтобы закрыть их. Пришлось также открыть гараж, загнать машину, закрыть гараж. Всё это требовало времени, и я торопилась.

Закрывая ворота гаража, я заметила мужчину, стоявшего у ограждения набережной. Он не был похож на рыбака. Высокий, молодой, в кепке, надвинутой на глаза, он стоял, прислонившись плечом к столбу и смотрел на меня. От мужчины исходила неприятная энергия. Я почувствовала смутную тревогу, но сделала вид, что меня не тревожит его присутствие. Незнакомца я видела вчера и в среду. Я заметила его из окна спальни около полудня. Он стоял на том же месте, что и сейчас, и пялился в окна. Постоял минут десять и ушёл. То же самое повторилась вчера. Сегодня я столкнулась с ним лицом к лицу. Через короткое расстояние, что нас разделяло, я увидела рябое лицо, кривую ухмылку из-под кепки, и у меня мелькнула неприятная догадка.

«Неужели это мерзавец Жюль Жарни? Но что он тут делает?! И почему пялится в мои окна? И на меня! Неужели он пришёл навестить могилку жены, которую до смерти извёл?»

Но незнакомец не был похож на безутешного вдовца. Он взглянул на меня, сплюнул под ноги и враскачку пошёл прочь. Я видела, как он повернул за угол забора в узкий проезд, отделивший мой сад от владений мадам Сабль, и скрылся за поворотом.

Когда подъехал мэтр Моро, я сидела на каменной скамейке и размышляла о доме. Может, всё-таки продать его? Слишком он нарушает привычный уклад жизни. С другой стороны, моё появление здесь – настоящее событие не только для меня, но и для городка. Нечасто здесь

появляются люди, владеющие недвижимостью по цене в шесть нулей. Ничего удивительного, что я вызываю любопытство и пристальное внимание.

Дважды в день – утром и вечером, в одно и то же время, около девяти – по моей улице проезжает полицейская машина. Полиция останавливается у чугунных ворот. Из машины выходит молодой, атлетически сложенный полицейский, оглядывается. Увидев меня, здоровается и спрашивает, всё ли в порядке. Не увидев – заглядывает за закрытые ворота, оглядывает окна шато, садится в машину к напарнику и уезжает. Интересно, кто дал полиции подобное поручение? Или полицейские следуют обычному ритуалу, объезжая с осмотром улицы городка?

Моро вышел мне навстречу и учтиво открыл дверь:

– Вижу, вы понемногу осваиваетесь? – он кивнул на яркие цветы бегонии, высаженные в ящиках на окнах первого этажа.

– Да, сегодня решила переночевать в шато.

Я оглянулась на окна мадам Сабль. Старая карга маячила светлым пятном в окне кухни. Мэтр Моро проследил за моим взглядом и усмехнулся:

– Старая мадам Сабль знает все новости обо всём и обо всех. Её покойный супруг был мэром Бурпёля несколько сроков подряд.

Мы выехали на D10.

– И всё-таки я чувствую себя неловко, занимая ваше время, Анри, – вздохнула я.

– Пустяки, – ответил Моро, – мне приятно ваше общество, Ева. Если нужна помощь, обращайтесь, я всегда к вашим услугам.

– Спасибо, это очень мило с вашей стороны, Анри.

Взгляд Моро оторвался от дороги. Он мельком взглянул на меня, синие глаза блеснули.

– У вас поменялось настроение, Ева. Что-то произошло, пока меня не было?

Я пожала плечами и вздохнула:

– Ничего особенного не произошло. Просто мне пока трудно обвыкнуться в незнакомом месте, и я немного устала от переезда.

– Вы отпустили приходящую прислугу, чету Каше. Может, напрасно? Они помогли бы вам на первых порах.

– Возможно. Но я трудно схожусь с незнакомыми людьми. Да, и потом, я отпустила их всего на несколько дней, пока не обвыкнусь. Скажите, Анри, вы давно посещали шато?

– Не считая прошлого раза вместе с вами, год назад, когда мадам Нинон решила оставить шато «Колло» вам.

– Как вы общались?

– По скайпу. Через поверенного. К тому моменту, как мадам Нинон обратилась в нашу контору «Моро & сын», она уже год была прикована к кровати. Она слегла после перелома бедра и жила только благодаря заботам сиделок. Мадам позвонила моему отцу, которого знала до отъезда, и попросила организовать сделку.

– А как она узнала обо мне?

– Не знаю. Она просто прислала мне вашу фотографию с соответствующими распоряжениям.

Мне показалось, что Моро что-то не договаривает.

– Скажите, Анри, а что за история с винными складами Наполеона? Они действительно существуют?

– Уверен, что существуют.

– Откуда такая уверенность?

– Супруг мадам Нинон искал вход в подземелье. Он был буквально одержим, перерыл весь сад. Даже нашёл старое пушечное ядро времен Наполеоновских войн. У него могла быть карта подземелья.

– Но мадам Сабль сказала, что все бумаги и карты сгорели ещё в Первую Мировую, когда в старой мэрии вспыхнул пожар!

Моро усмехнулся:

– Старая сплетница Сабль говорит правду. Мэрия сгорела, но не все документы хранились в архиве. Часть бумаг держал у себя в сейфе старый барон Колло. Он вполне мог передать их своему сыну Колло – мужу мадам Нинон. Возможно, что-то есть и в церковном архиве. К тому же, секретарь барона, прохвост Жарни, тоже мог что-то знать.

– Отец Жиля Жарни?

– Она вам и про него рассказала?

– Ну да, – ответила я смущённо. – Значит, барон Колло нашёл вход в подземелье.

– Почему вы так думаете?

– Если бы не нашёл – был бы жив.

Моро пристально посмотрел на меня:

– Вот что значит свежий взгляд со стороны. Вам бы в полиции служить.

– А вы имеете отношение к полиции, Анри?

– Прямого – нет.

– А что за семинар вы ведёте?

– С января в Пуатье слушается ряд дел о домашнем насилии. А в феврале начался мой семинар. Семинар проходит по пятницам. Судебные заседания идут с понедельника по четверг. Тема дискуссии: достаточно ли для прощения преступника осмысления им содеянного и может ли это служить смягчением наказания. Когда жертва насилия становится соучастником преступника. Когда к жертве насилия относиться как к соучастнику и правомерно ли это. Где находится эта тонкая грань и как определить её в правовом аспекте.

– Жертва насилия может стать соучастником? Как это?

– Если не может защитить своих детей, например. С правовой точки зрения это почти недоказуемо. Жертва есть жертва. Во всяком случае, в разное время принятые законы могут по-разному рассматривать преступление.

– Разве могут?

– Таких примеров множество. Например, в нацистской Германии надсмотрщики и палачи в концентрационных лагерях не осуждались определённой статьёй закона в уголовном кодексе, хотя отправляли в печи сотни невинных людей. За это не предусматривалось наказания. Но после падения Третьего Рейха они были осуждены в их же стране.

– Интересно. Вы действительно верите, что преступник может раскаяться в содеянном? Вероятно, нужно обладать недюжинной эрудицией, чтобы убедить в этом окружающих.

– Одной лишь эрудиции недостаточно. Для этого и ведутся судебные заседания и семинары. Мы рассматриваем и разбираем реальные дела, произошедшие в жизни. Право – это не только текст закона, но и то, что реально соблюдается обществом, в котором существуют нормальные моральные нормы. Домашнее насилие – тема очень скользкая. Её очень трудно разбирать.

– Не очень-то приятная тема.

– Кто-то должен об этом говорить. Я уверен, что мы заняты хорошим, нужным делом. Во всяком случае, это интереснее древнего римского права и нудных статей торгового права.

– Я бы не смогла абстрагироваться от ужасов преступления.

Моро говорил спокойно, но я чувствовала, что это спокойствие даётся ему с трудом. Он улыбнулся:

– Убрать эмоциональную составляющую сложно, но возможно. В конце концов, мы с вами не такие уж разные. Думаю, у нас много общего. Мы, каждый по-своему лечим людей. Я – доктор права, а вы – доктор медицины.

Дорога в Пуатье лежала среди полей. Пуату – агрокультурный район. Повсюду, сколько видно глазу, простираются бескрайние поля пшеницы, овса, ржи, рапса, кукурузы, подсолнечника. Между ними нередко встречаются широкие полосы леса. На лесной опушке, выходящей в пшеничное поле, я увидела растянутые полосы белых лент и колышки с номерами.

– Что это? – спросила я, оглядываясь назад.

– Охотничьи номера. Остались с осени после охоты на кабана.

Я вспомнила о письме, которое вынула из почтового ящика сегодня утром. В нём сообщалось, что в понедельник, в восемь утра, состоится отстрел ворон по улице Вьен у ворот Форга. Желаящие пострелять собираются у дома мэтра Моро. Жителей, проживающих по улице Вьен, просят не покидать своих домов с восьми до девяти утра, во избежание несчастных случаев.

– Здесь у многих имеется оружие? – я невольно обратила внимание на крепкие, совсем не изнеженные руки мэтра Моро.

Он снял пиджак и закатал рукава сорочки до локтей. Была видна татуировка Легиона на левой руке.

– Охотничьи ружья есть у многих. В окрестностях достаточно дичи: зайцев, кабанов, кроликов, оленей. По осени ходят на уток, гусей. Некоторые разводят фазанов для охоты.

– Никогда не ела фазана! Это такой большой петух с длинным пёстрым хвостом?

Моро улыбнулся:

– Если желаете отведать, я могу вас угостить. У нас осталось ещё несколько с прошлого сезона, замороженных, конечно.

– Не откажусь.

– Прекрасно. Вам подходит середина недели? Во вторник у меня короткий день в конторе, я освобожусь в пять. Мы могли бы устроить ранний ужин, скажем, в шесть вечера.

– А готовить будете вы?

Моро взял меня за руку и поднёс запястье к губам. Мягкое, еле заметное прикосновение.

– Если изволите, Ева. Но повар из меня не очень хороший. Фазана прекрасно готовит Людвин – наша кухарка, она живёт в нашем доме уже семнадцать лет. И ни разу не разочаровала.

Я осторожно высвободила руку:

– Не отвлекайтесь, Анри. Следите лучше за дорогой... А ваша матушка не готовит?

– Её нет с нами восемнадцать лет.

– Простите меня! Я не знала!

Мэтр Моро снова поднёс мою руку к губам. На этот раз прикосновение губ было горячим, глаза сверкали:

– Я не сержусь. Откуда бы вам знать об этом? – произнёс Моро. – Мы почти приехали. Вы голодны? Я – очень!

Мэтр Моро съехал с автострады на боковой съезд No 21, сделал круг, развернулся под мостом и спустился по довольно крутой грунтовой дороге вниз к реке. Место, на первый взгляд, казалось совсем диким. С левой стороны – широкая лента реки, за ней – высокий, обрывистый берег без строений, справа – густые заросли акаций и грецкого орешника на скалистом склоне.

– Вы же не убьёте меня, мэтр Моро? – спросила я с напряжённой усмешкой.

– Вначале покормлю, – сверкнул глазами Моро, – а дальше, как сложится.

Из-за поворота показались красные черепичные крыши уютной деревеньки. Мы подъехали к ближайшему большому хозяйству, состоящему из нескольких сельских строений и древнего навеса на каменном основании. У навеса, в бывшей поилке для лошадей кудрявилась цветочная клумба. На деревянном помосте, нависшем над спокойной водой, стояли столики с клетчатými скатертями и красно-белые зонтики. Стремительно носились официанты с подносами еды.

Мы припарковались на подстриженной лужайке, вышли из машины. День был жаркий, но под тенистой сенью орешника было прохладно.

Моро взял меня за руку:

– Вы не возражаете, Ева?

– Нет.

Он слегка сжал мою руку и повёл ко входу в ресторан.

– Место настолько популярное, что столик нужно заказывать за несколько дней, – шепнул он мне на ухо, когда мы подошли к стойке хоста.

– Несколько дней? Откуда же вы знали, что я соглашусь пойти с вами?

– Я не знал, Ева... но надеялся.

Моро переплёл наши пальцы, и я почувствовала энергию его тела. Волна мурашек пробежала по руке. Он, конечно, почувствовал. Наши взгляды встретились. Моро посмотрел на мои губы, наклонился, легко коснулся их губами. Волна мурашек пробежала снова, охватив плечи и грудь.

Моро смотрел мне в лицо, а мне казалось, что он охватывает взглядом всю меня:

– Вам здесь понравится, Ева.

Я отвела взгляд, почувствовав во фразе потайной смысл:

– Тут очень красиво... есть и правда очень хочется!

Подошёл молодой хост и спросил:

– У вас зарезервирован столик?

– Да, на двоих, на имя Анри Моро.

Хост улыбнулся и одобрительно посмотрел вначале на меня, потом на Моро:

– Прошу вас, – он проводил нас за небольшую ограду из пышно разросшихся петуний, – столик номер семь. Сейчас подойдёт официант.

Официант, в чёрном длинном переднике, пришёл через минуту, сияя, как новенький евро, и вручил нам фартуки, одноразовые резиновые перчатки, удочки и банку с наживкой:

– Вы будете есть здесь или возьмёте с собой?

– Здесь, – кивнул Моро.

– Когда поймаете рыбу, я принесу меню, месье Моро. Помочь надеть фартуки?

– Спасибо, мы сами, – Моро протянул мне передник, – это чтобы не испачкаться.

Пойдёмте ловить рыбу!

– Но я не умею! – пришла я в себя, – а если мы ничего не поймает?

Моро рассмеялся. Я впервые видела, как он смеётся, открыто и очень привлекательно.

– Не бойтесь, Ева. Я вас не съем.

Рыбу мы поймали на удивление быстро. Две довольно крупных форели. Для форелей был отведён небольшой загон в реке, и она там буквально набрасывалась на любую приманку.

Анри поймал первым, как и ожидалось. Я с тайной завистью наблюдала, как он ловко подсёк добычу, зацепил сачком и выпустил в ведро.

– У меня так никогда не получится! – вздохнула я.

– Не отчаивайтесь, Ева! Ну же, смелее!

Когда у меня клюнуло, я завопила, как сумасшедшая по-русски:

– Господи! У меня клюёт! Клюёт!!! Что мне делать? Ай! Ой! Помогите!

Анри, смеясь, подставил сачок, и через минуту рыбина плавала в пластиковом ведре. Я была счастлива.

С уловом мы подошли к весам, где форель взвесили и попросили нас занять место за столиком.

Принесли меню страниц на десять. Я в замешательстве посмотрела на Моро.

– Советую вам попробовать форель в слоёном тесте, в сливочном соусе с начинкой из сан-жака, с брокколи и с молодой морковью на гарнир.

– Звучит божественно! Я слышала, что французы – непревзойдённые кудесники кухни. Моро взглянул на меня. Синие глаза искрились:

– Что ещё вы слышали о французах?

Я сама не поняла, как у меня вырвалось:

– Что французы – прекрасные любовники...

Синие глаза ярко сверкнули. Он посмотрел на меня прямо, без кокетства:

– Не желаете проверить?

– Не торопитесь, Анри.

Мы провели в Пуатье весь день. Гуляли по людным, средневековым улицам.

У памятника Жанне Д'Арк я остановилась, всматриваясь в волевое и страстное лицо Орлеанской Девственницы. Эта девушка появилась в истории Франции в едва ли не самый трагический период, и повернула её вспять. Здесь, в Пуатье, она прошла последнюю проверку Карла, подвергалась допросу богословов и отправилась в Орлеан, чтобы одержать первую грандиозную победу над англичанами.

Жанна, закованная в латы, в длинном платье, спадающем к ногам ровными капителями, стояла на высоком постаменте, опираясь на меч. Взгляд направлен вдаль, поверх голов прохожих и низких крыш средневековых построек. Позади возвышалось, устремляясь высокими шпилями и башнями ввысь, здание кафедрального собора, сложенное из почерневшего за столетия гранита. У стен ещё были хорошо видны колодцы и дно древнего рва, и осыпавшаяся кладка укреплений, окружённая сеткой от любопытных туристов. Горгульи с головами драконов свешивались с крыш. У некоторых за века отвалились языки и выпученные глаза, но они всё равно выглядели устрашающе.

Памятник Жанне казался совсем маленьким по сравнению с собором, но создавалось ощущение, что она охраняет его, заслоняет собой.

– Красивая, – заметила я с сожалением.

– Да, она умела постоять за себя, – ответил Моро.

– Уметь постоять за себя... Я вижу – это важно для вас.

– А для вас? – Моро пристально смотрел на меня.

– И для меня.

– Расскажите мне что-нибудь о себе, – взгляд Моро скользнул по моим губам.

На этот раз он не поцеловал меня, но волна мурашек пробежала по руке от одного его взгляда.

– Что же мне рассказать?

– Что-нибудь...

Мы обошли несколько магазинов, где в витринах красовались, выгнув длинные шеи, стройные манекены в вечерних платьях.

Моро показал на красное платье с глубоким декольте:

– Вам это пойдёт.

Мне тоже понравилось платье, но я сомневалась:

– Очень открытое. Открыты и спина, и грудь.

Моро взглянул на мою блузку, застёгнутую на все пуговицы:

– Платье для самой красивой девушки. Вам нечего скрывать.

* * *

Вечером, проводив меня до порога дома и вручив пакет с красным платьем, Моро спросил:

– Какие у вас планы на завтра, Ева? Завтра суббота. Не хотите прогуляться по берегу океана?

В полутора часах от нас есть прекрасный остров, Иль де Ре. Можно позагорать, искупаться, поесть свежих устриц.

– Правда? Океан так близко? Я всегда мечтала искупаться в океане!

– В таком случае я заеду за вами в восемь утра. В десять мы уже будем на пляже, а в обед поедим устриц.

– Прекрасно! До завтра!

– До завтра! – Анри наклонился и поцеловал меня в щёку.

Я ожидала поцелуя в губы и была несколько разочарована.

У ворот он обернулся:

– Сладких снов, Ева!

– И вам!

После ухода Моро я побрела в спальню. Я так устала за день, что повалилась в кровать, едва раздевшись. Экран смартфона высветил цифры будильника: семь тридцать, – и погас.

На улице за воротами раздались быстрые шаги незнакомца. Он перелез через каменную кладку забора. Зашуршал под ногами белый гравий.

Но я уже этого не слышала.

* * *

Будильник прозвонил в семь тридцать утра. Я вскочила и побежала в ванную. Включила кран, и из крана полилась ледяная вода. До вчерашнего дня я жила в гостинице, и совершенно забыла предостережение мадам Сабль, что в ванной вода нагревается с помощью печи, а печь нужно топить углём.

Зубы почистить и умыть лицо я смогла, но как принять душ?

«Подумаешь! В девятнадцатом веке люди справлялись, что же, я в двадцать первом не смогу?»

Я решительно спустилась в кухню и вошла в чулан, где хранился уголь. Уголь был сложен пластами, спрессованный в плотные кирпичики. Рядом лежали крафтовые пакеты, в которые уголь нужно было складывать и носить к печи. Очень разумно и удобно – уголь в пакете кладут в печь, поджигают бумагу и ву-а-ля! Проще простого! Чистая работа!

У стены стояли лопата и совок. Я облокотилась рукой на косяк у двери, нагнулась за совком, а дальше произошло то, чего я совсем не ожидала. Раздался глухой звук, будто ударили в барабан за стеной. Вероятно, я задела ногой нижний ряд кирпичиков, и уголь посыпался. Я вскрикнула и отступила к двери чулана, но она оказалась закрытой. Пока я догадалась повернуть ручку, добрая половина кучи сползла мне под ноги. Чёрное угольное облако окутало меня, и я, чихая и кашляя, поспешила выбраться из чулана.

В ванной у печи я обнаружила несколько полных пакетов с углём и чуть не разрыдалась от досады. Печь я затопила быстро, уголь разгорелся, и в баке заурчала, нагреваясь, вода.

В это время раздался звонок в дверь. Я взглянула на часы. Ровно восемь утра! Это Моро!

Я открыла дверь, собираясь сказать что-то в своё оправдание, но Моро, взглянув на меня, с порога разразился таким громогласным хохотом, что у меня язык прилип к небу. Я взглянула в зеркало, висевшее над комодом в прихожей, и совершенно онемела. На меня смотрело чёрное, как у кочегара, лицо с серыми волосами.

Анри, тем временем отсмеявшись, стал очень серьёзен. Он вошёл в дом и с порога, тесня меня в коридор, принялся жарко целовать.

– Моя Золушка, – шептал он, расстёгивая на мне халатик.

– Подожди, подожди! Ты испачкаешься!

– Пусть! – мычал он, распаяясь.

– А как же Иль де Ре? – вяло сопротивлялась я.

- Он не уплывёт, – Моро скинул с себя футболку.
- А если уплывёт?
- Я найду тебе новый остров, – прохрипел Моро, не владея собой.
- Подожди! Подожди!
- Что? – взглянул мне в глаза Анри.
- Я – не Шарлот!
- Я знаю! – он скинул шорты и прижал меня к стене, подхватив за бёдра.

У стены всё и произошло. Потом на комод. И на полу прихожей.

Моро пылал, как уголь. Лёжа на полу прихожей, блестя от любовного пота, он спросил:

- Тебе удалось затопить печь? – Анри снова смеялся, глядя на меня.
- Кажется, вода уже нагрелась. Что ты смеёшься? На себя посмотри!
- Посмотрю. Пойдём, я искупаю тебя, и продолжим в спальне.
- Да, пойдём!

Анри подхватил меня на руки и понёс в ванную:

- Ты пахнешь углём. Никогда не думал, что это так сексуально.

До обеда мы занимались любовью. В перерывах мы лежали на прохладных простынях и смотрели друг на друга. Анри нежно проводил рукой по моей спине, касался лицом плеча или просто неподвижно лежал, не сводя с меня глаз.

- Кто рассказал тебе про Шарлот? – спросил Анри.

– Мадам Сабль.

– Старая сплетница... Но ты что-то не договариваешь. У меня создалось впечатление, что ты знаешь, как выглядела Шарлот.

Я вздохнула. Зачем скрывать то, что так или иначе выплыло бы наружу.

– На днях я разбирала комод в спальне и нашла старый фотоальбом. Я бы не обратила на фотографии внимания, если бы мне на глаза не попала одна – точно такая же была у моей бабушки. На фото – вся семья до отъезда бабушки Нины с родителями во Францию в тридцатом году. Бабушка, ещё совсем девочка, стояла рядом с матерью, кузиной и другой роднёй. Это может показаться странным, но в нашей семье все женщины по материнской линии очень похожи. Даже если приходятся друг другу дальними родственницами. Моя мама говорила, что я очень похожа на бабушку, а в своё время её и двоюродную бабушку Нинон принимали за близнецов. Представь моё изумление, когда я увидела портрет мадам Нинон в столовой! Я поверить не могла, что портрету шестьдесят лет, и была уверена, что на портрете я! Невероятно! Поневоле согласишься в переселение душ! В альбоме были и другие, более поздние фотографии. Среди прочих я увидела фото девушки, цветное, современное фото. Она, как и прочие женщины в альбоме, была похожа на бабушку Нинон и отчасти на меня. Представь мои чувства! Я была заинтригована...

Моро смотрел на меня через завесу чёрных ресниц:

- И ты пошла к мадам Сабль, чтобы узнать, кто на фото.

Я кивнула:

– Она пила чай в саду, и я решила спросить, не помнит ли она кого-то на старых фотографиях. Мадам Сабль узнала Нинон. Сказала, что, когда она приехала в Бурпёль после замужества, недалеко поселилась её дальняя кузина с дочерью, тоже русская. Дочь кузины позднее вышла замуж за англичанина и вернулась в Бурпёль спустя много лет, после развода, со своей юной дочкой. Дочку звали Шарлотта Ричардсон, или, по-французски, Шарлот. И что на цветной фотографии она – малышка Шарлот. Мадам Сабль сказала, что мадам Нинон собиралась завещать шато «Колло» Шарлот, но её трагическая смерть нарушила планы.

Анри продолжал смотреть на меня. Иногда мне казалось, что он не слушает. Он был занят созерцанием.

– Выходит, мы с Шарлот родственницы! Ты сердишься на меня, Анри? – спросила я, загораясь от его взгляда.

– За что? Твоё желание узнать правду вполне обоснованно. Но меня удивили твои слова. Шарлот давно в прошлом. Не скрою, вы внешне похожи, но не настолько, чтобы я не видел разницы между вами.

– Мне не даёт покоя один вопрос: как мадам Нинон узнала обо мне? Связи с той семьёй прервались почти девяносто лет назад! Мадам умерла в девяносто восемь лет, оставив наследство внучатой племяннице.

– Я и сам пока не разобрался, – ответил Моро, – но дай срок, разберусь обязательно.

– Ты женат? – спросила я.

– Разве для тебя это имеет значение? – Моро поднялся на локте и положил мне руку на бедро.

– Имеет! Я не смогла бы делить тебя с другой.

Глаза Анри засверкали под чёрными бровями. Вот почему его глаза кажутся такими бездонными! Чёрные ресницы и брови обрамляют небесную синь глаз, как багет!

Его рука скользила по моему бедру, поднялась наверх. Лицо уткнулось в шею:

– О, да ты собственница! Значит, хочешь, чтобы я был только твой?

– Хочу.

– Я не возражаю. Буду твоим. И я не женат, и никогда не был. А у тебя кто-нибудь есть?

После развода три года прошло.

– Да, прошло три года. Я вполне имею право завести парня!

– Да? И кто же он?

– Да нет у меня никого!

Моро перевернул меня на живот. Его горячая грудь прижалась к моей спине:

– Теперь есть.

Чем дольше мы занимались любовью, тем сильнее я влюблялась в Анри. Мне нравилось в нём всё: запах и вкус горячего молодого пота в подмышках, вкус дёсен, упругие, натянутые мышцы живота, настойчивые губы, ищущие поцелуев. Его жаркие объятия возбуждали меня, и я отдавалась ему страстно. Когда его пик был близок, он обнимал меня, крепко прижимая к себе. Я чувствовала, как в последние секунды он становился крепким, как сталь, восходящее лицо принимало выражение сладостной муки, и стон вырывался из полуоткрытого рта.

Тяжело дыша, он откидывался на подушку:

– Божественно! – полуулыбка блуждала по его лицу, – тебе понравилось?

Я кивала:

– Как во сне, как и хотелось!

– Я снился тебе? Расскажи! Что мы делали? Покажи, что ты делала со мной!

И всё начиналось с начала.

Во втором часу раздался звонок телефона. Анри дотянулся до мобильного на столике:

– Алло, Жанна?

– Ты уже в Бурпёле?

– Да.

– Можешь сейчас приехать, Анри? – в телефоне раздался тревожный девичий голос.

– А что случилось?

– Чарли куда-то пропал! Я уже всё обыскала! Он случайно не с тобой?

– Нет, Чарли не со мной. Давно он пропал?

– С раннего утра. Около восьми! Мне показалось, что он погнался за твоей машиной! Я вроде бы даже слышу иногда его лай! Но вполне возможно, что мне просто послышалось! А вдруг он попал в ловушку или упал со скалы? Он никогда не убегал! С ним что-то случилось! Наверное, погнался за кроликом и провалился в нору!

– Не говори глупостей! Я скоро приеду!

Анри поднялся с кровати:

– Я отлучусь ненадолго. Звонила моя сестра Жанна. Пропал Чарли, наш сеттер, её любимая собака. Сестра в панике.

– Конечно, езжай! Я могу чем-то помочь?

– Нет, – Анри нежно поцеловал меня, – отдыхай, детка. Я вернусь – и мы продолжим, моя Золушка. Я позвоню.

Он позвонил через пару часов:

– Собака нашлась. Он действительно повредил лапу, сорвавшись со скалы. Я отвезу Чарли к ветеринару в Пуатье. У нас в городе доктор в отпуске. Позвоню, когда вернусь.

– Хорошо, удачи!

Моро заявился поздним вечером, около одиннадцати, и с порога бросился обнимать и целовать меня.

– Не могу без тебя! Соскучился! Мне мало дня! Хочу ночь!

Он развернул меня спиной, расстегнул молнию на платье, и я почувствовала горячее прикосновение его груди к спине. Руки легли на мою грудь, шею обожгли жаркие поцелуи. Анри раздевался по пути к спальне и раздевал меня. Он снова развернул меня лицом к себе, и жадный поцелуй охватил губы. Паря в его объятиях, я отвечала на жаркие ласки любовника.

Пружины матраса скрипели под нашей тяжестью. Страстное дыхание смешалось со стонами и скрипом кровати. Наконец, он остановился, насытившись, откинулся на смятые простыни, но продолжал смотреть на меня, лаская уже не руками, а взглядом.

– Уже светает, – улыбнулся он и закрыл глаза.

Но поспать он мне так и не дал. То и дело во сне я чувствовала его прикосновение. То он касался ногой моей ноги, то рукой спины, то губами плеча, словно проверяя, на месте ли я. Его живот коснулся моих ягодиц. Я ещё спала, а он уже овладевал мною. Я отдавалась ему со всей страстью, словно эта ночь была последней.

* * *

Утром, около девяти, я внезапно проснулась. Утомлённый любовник тихо спал рядом.

– Анри, вставай!

Моро открыл глаза и нежно погладил меня по ноге.

– Доброе утро, любимая.

Я попыталась вырваться из объятий:

– Подожди! В котором часу обычно приходит сюда приходящая прислуга?

– Каше? Кажется, в девять!

– Вставай живо! Они сейчас придут! Кажется, я слышу, как паркуется машина! Да, вставай же!

Анри, смеясь, побежал в коридор подбирать разбросанную одежду. Я, накинув халат, за ним.

Он, смеясь, натягивал брюки:

– Ну и что, если они увидят нас вместе? Чего ты испугалась? Сплетен? Или у тебя есть поклонник, о котором я не знаю?

– Иди же, господи! Да не сюда! Через задний вход! Быстрее! Они уже идут по дорожке!

Я открыла вход на цокольном этаже. В это время у парадного входа прозвенел звонок.

– Мы встретимся сегодня? Встретимся? – шептал, прощаясь, пылкий любовник.

– Встретимся!

– Когда? Когда? – он не давал закрыть дверь.

– Сегодня!

- Когда!
- В шесть вечера!
- Я заеду!
- Нет! Приходи на ужин!
- Мы проведём ночь вместе?
- Да! Да! Ты уйдёшь или нет?
- Не мойся, слышишь!
- Ты с ума сошёл! Уходи же, мне нужно открыть дверь!
- Последний поцелуй! Иначе не уйду!

Когда я открыла дверь, супруги стояли на пороге и смущённо смотрели под ноги. Не знаю, что они слышали, но мадам Каше поздоровалась и сказала:

- Пойду греть воду, – и тут же ушла на кухню.

Месье Каше, проводив взглядом проезжающий по улице голубой «Рено», показал рукой на кусты роз:

- Я буду в саду.

Закрывая за садовником дверь, я вспомнила лицо Анри и его слова:

«Доброе утро, любимая!»

«Любимая! Мне не послышалось! Любимая!»

* * *

– Господи Иисусе! Что вы натворили, мадемуазель Ева? – услышала я изумлённый крик мадам Каше из кухни.

Я бросилась к ней:

- Простите! У меня уголь упал! Я помогу собрать!

Мадам Каше стояла перед раскрытой дверью чулана. Уголь осыпался до середины стены и завалил пол до порога чулана:

- Как это произошло?

Я пожала плечами:

- Сама не знаю! Мне показалось, будто что-то сдвинуло кучу угля с места!

– Не переживайте! – мадам Каше доброжелательно улыбнулась, и мне стало очень стыдно от её улыбки. – Я давно говорила, что углю здесь не место! Раньше его хранили в подвале!

- Раньше?

– Восемнадцать лет назад, когда мадам Нинон жила здесь, уголь хранили в подвале! Перед отъездом она почему-то дала распоряжение сложить брикеты сюда. Столько грязи из-за этого угля! Рук не хватает убираться!

- Может, лучше отнести брикеты в подвал?

- Так и сделаем! Работы на полдня! Придётся собрать всё это в пакеты.

- У меня сегодня гости, в шесть часов.

- Не волнуйтесь, мы управимся к приходу гостей. Вам помочь приготовить ужин?

- Нет, не нужно.

- Я позову месье Каше, а вы занимайтесь своими делами, мадемуазель Ева.

- Хорошо, я только быстренько приму душ.

Честно говоря, я была рада уйти.

У ворот я обернулась и оглядела дом. На фронтоне, под самой крышей отчетливо выделялась дата: 1848.

«Дом был построен сто семьдесят лет назад. Интересно, кто был первым владельцем шато?»

Вспомнились городские чёрно-белые фотографии в нотариальной конторе мэтра Моро. Я бы узнала шато из миллиона других. На фотографии дом стоял на фоне высокого виадука, по которому шёл, пыхтя паром и дымом, паровоз. Других строений рядом не было, дом будто парил над рекой в окружении высоких кипарисов и пирамидальных туй. Я подумала, что на фотографиях совсем нет белых акаций, которые сейчас в изобилии растут вокруг.

На всех фото было указано название мастерской и год 1884, когда фото были сделаны. Я запомнила название улицы и адрес: рю де Арми, 5, Бурпёль, Пуату-Шаранта. И решила проверить. В самом деле, если мой дом сохранился с тех пор, и форт, и мельница, и церковь, то почему бы не сохранилась мастерской?

В самом начале рю де Арми стоял новый, отстроенный пять лет назад, супермарше. Это было современное сооружение с большой парковкой, бензозаправкой, мойкой машин и прочими необходимыми службами. Он казался гигантом по сравнению с домиками горожан под красными черепичными крышами. Супермарше будто бы насильно втиснули в средневековый пейзаж. Он сверкал металлом, стеклянными перекрытиями в модном современном дизайне. Казалось, что квартал нужно было снести, чтобы супермарше уместился в городке. На самом деле, магазин был построен на бывшей рыночной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.